

1870.

УКРАИНСКІЙ ВѢСТНИКЪ

к
36

МѢСЯЦЪ МАРТЪ

156
к
36

І. НАУКИ И ИСКУСТВА.

РѢЧЬ,

о Любви къ Отечеству (*).

Какъ подѣ благотворнымъ климатомъ Индіи
все растущее во все времена года цвѣтеть,
зеленѣть, зрѣть, чувствуетъ силу и ща-

(*) Говоренная при первомъ торжественномъ (1805
Апрѣля 2.) онкрѣпѣи Демидовскаго вышнихъ
наукъ Училища въ Ярославлѣ, древней и новой
Литературы и Россійскаго Краснорѣчія Профес-
соромъ шамъ бывшимъ Иваномъ Срезневскимъ.
Рѣчь сія до сихъ поръ нигдѣ еще не была напе-
чатана; попому что Сочинитель предполагалъ въ
ней здѣлать поправки. Издатели, выпросивъ у
него позволеніе напечатать ее въ томъ плочно ви-
дѣ, какъ она говорена была, — не находясь даже
мѣспѣ, какія бы требовали поправленія и смѣ-
ють надѣяться, что ихъ читашели — при всей
спросности въ сужденіи — больше припишутъ

стїе бытія своего: подобнымъ образомъ, Почтеннѣйшіе Слушатели! подѣ благопворнымъ скипетромъ Августѣйшаго Монарха АЛЕКСАНДРА I-го все возникаетъ, все цвѣтеть, все красуется, все веселится, все приходитъ въ совершенство. Ни одно состояніе, ни одно сословіе людей въ Его державѣ не отвержено отъ лица Его. Великая душа Его неусыпно бодрствуетъ надѣ благомъ подданныхъ, Богомъ Ему ввѣренныхъ. И естли то истинна, что Цари не для себя существуютъ, — а для щастія народовъ ими обладаемыхъ; то Исторія вѣка нашего покажетъ грядущему потомству почти единственный примѣръ сего въ юномъ Монархѣ нашемъ нынѣ благополучно царствующемъ.

Обозрите мысленными очами ту часть полвселенной, надѣ которою кроткая десница Его просиращаетъ жезлъ правленія; — обозрите всѣ предѣлы обширной Россіи — отъ моря до моря и отъ

скромности Сочинителя, а не необходимости въ поправкахъ: — по чему онъ такъ долго лишалъ ученый свѣтъ, скажемъ, образцоваго произведенія въ семъ родѣ. —

конецъ до конецъ земли, отъ Бельша до
отдаленныхъ Алеушовъ, отъ Эвксина и
Каспiя до моря Карскаго и до земель вѣч-
нымъ льдомъ покрытыхъ! — Куда не про-
никло пресвѣтлое око Его? Чего не оза-
рило свѣтозарное лице Его? — Тамъ на че-
тырехъ моряхъ пространныхъ развѣваю-
ся Россiйскiе флаги — страшные самымъ
страшными; тамъ строятся полки и въ
мирной—но бодрственной тишинѣ, ужасая
сильныхъ сопротивниковъ и препиная
путь къ неприязненнымъ покушенiямъ,
черную зависть въ молчанiи скреже-
тавъ заславляютъ; тамъ возникаютъ но-
выя пристани и опивзаютъ для Россiи не-
изсякаемые источники богатства; тамъ —
гдѣ прежде были обширныя степи ни-
къмъ необладаемыя, гдѣ отъ унылыхъ вѣ-
тровъ только волновался сребристый ка-
выль, — тамъ теперь ходятъ воли съ
плугами земледѣльцевъ, тамъ спруются
желтые классы и улаждаютъ сердца
трудолюбивыхъ жателѣй; отсюда от-
правляется Россiйское жито въ отдален-
ныя Государства, — доставляетъ дѣла-
телю награду трудовъ его и ободряетъ

время отъ времени болѣе промышленность сего рода; — тамъ корабли Россійскіе съ отважностію Колумба разсѣкають волны неизвѣстнаго, отдаленнѣйшаго океана и обогащаютъ кругъ познаній новыми открытіями; — тамъ богатая Америка, сблизивъ западъ свой съ востокомъ Россіи, доставляетъ ей въ великомъ множествѣ избытки своихъ произведеній. — И такимъ образомъ дѣятельная промышленность соотечественниковъ нашихъ, подкрѣпляемая силою и щедростями Монаршими, всюду разпростираетъ свои вѣтви! —

Но тщетный и силу моего ума превосходящій подвигъ — описывать подробно всѣ великія дѣянія и неусыпныя попеченія чадолюбиваго Монарха нашего, — среди коихъ, какъ ясное свѣтило дня, блистаетъ любовь Его къ подданнымъ, всюду стремится сильнѣйшее расположеніе духа ко благу народа своего: пусть щастливѣйшій меня силою краснорѣчія ораторъ изобразитъ всѣ неизобразимые подвиги Его къ щастію Ошечества предприѣмлемые; пусть

представитъ намъ живо, какъ умъ Его — въ намѣреніяхъ великій — щипитъ побѣдитъ естества уставы, чтобъ болѣе имѣть силы къ содѣланію блага роду человѣческому! Я не дерзну прикоснуться къ прагу сего таинственнаго святилища — для однихъ высокихъ умовъ дозволеннаго!—

Воззримъ только на предмѣтъ повсемѣстнаго просвѣщенія; — и мы увидимъ въ семъ, сколько мудрый Монархъ нашъ печется о существенномъ благополучіи народа своего! — какою нѣжною любовью дышетъ сердце Его къ подданнымъ своимъ! — Блаженной и вѣчной памяти достойные Предки Его: ПЕТРЪ Великій, проницая великимъ духомъ пользу отъ просвѣщенія, насадилъ — сколько тогда обстоятельства Россіи позволяли, нѣкоторыя верхограды наукъ и, подобно Зевесу, далъ бытіе Музамъ. Достойная Дщерь Его Кроткая ЕЛИСАВЕТА разпространила намѣренія премудраго Родителя своего и милосерднымъ возрѣніемъ вновь одушевила, ободрила умы къ занятію въ наукахъ. Великая ЕКАТЕРИНА разпространила сію оспрасть Государственнаго

благоденствія во всѣхъ предѣлахъ, на всѣ
 состоянія своей державы; — Ея намѣ-
 ренія были обширны и велики по се-
 му предмѣту; но они не успѣли до-
 стигнуть предположеннаго конца во время
 мудраго Ея царствованія. Юный Внуку
 одушевленный великимъ духомъ муда-
 рой Бабки своей, шествующій нынѣ по
 стопамъ Ея со славою, обозрѣвъ планъ
 заведеній сего рода — увидѣлъ: что На-
 родныя Училища, по недостатку нуж-
 нѣйшихъ частей просвѣщенія, не могли
 производить людей отечеству совершен-
 но полезныхъ; что бѣдные не имѣли спо-
 собовъ къ воспитанію дѣтей своихъ; что
 богатые, введши въ обычай домашнее из-
 нѣженное воспитаніе, — но не имѣя
 средствъ сыскивать достойныхъ и опыт-
 ныхъ во всѣхъ частяхъ наставниковъ, по-
 большей части воспитывали превратнымъ
 образомъ, и не только безъ пользы, — но
 часто со вредомъ для Отечества; что и-
 ностранные воспитатели часто безъ даль-
 нихъ свѣдѣній, часто безъ образованнаго
 сердца, ищущіе куска хлѣба въ Рос-
 сій, — не только не внушали въ своихъ

воспитанниковъ любви къ Отечеству, — но нерѣдко развращали мягкія сердца, вкореняя отвращеніе къ добродѣтели и Отечеству; — увидѣлъ — и нашелъ необходимостію основать многіе Университеты, въ которыхъ бы благородное юношество могло быть воспитываемо съ надлежащею цѣлію для Отечества; — увидѣлъ: что люди посвятившіе себя наукамъ, успешные бѣдностію, не могли имѣть способовъ къ дальнѣйшему усовершенствованію своихъ познаній; — увидѣлъ, и излилъ на нихъ Высокомонаршія щедроты свои; — увидѣлъ: что гражданскія власти часто во зло употребляли права свои надъ симъ родомъ людей и, сжимая такъ таланты ихъ, не воздавали достойной цѣны трудамъ ихъ, — увидѣлъ, что такое униженіе учащихся унижало самой образъ воспитанія — и оградилъ ихъ крѣпкою десницею своею, утвердивъ неизмѣняемо права и преимущества ихъ и поручивъ попеченію мужей, знаніями и благородіемъ извѣстныхъ, благородными чувствованіями украшенныхъ и достойную цѣну ученымъ упражненіямъ воздавать умѣющихъ. Все сіе не являло по-

казываетъ Его неусыпное попеченіе объ утвержденіи незыблемаго благоденствія Россіи? Не ясно ли живописуемъ отеческую любовь Его къ подданнымъ? —

Сей Высокомонаршій примѣръ и въ самыхъ подданныхъ возбудилъ сильныя чувства къ общественному благу, возродилъ любовь къ отечеству. Такъ, Поч. Слушатели! мы видимъ теперь въ Отецествѣ своемъ мужей посвятившихъ труды и таланты свои на служеніе общественному благу; видимъ мужей съ непоколебимою вѣрностію облегчающихъ тяготу скипетродержавія; видимъ мужей предускоряющихъ мудрыя намѣренія Монарха; видимъ пожертвовавшихъ цѣлыми милліонами для общаго блага соотечественниковъ нашихъ! И самой день сей — есть день великаго жертвоприношенія Отецеству; самое мѣсто сіе — есть храмъ воздвигнутый во славу и пользу Отечества. И гдѣ приличнѣе посвятимъ даръ слова *Люби къ Отецеству*, какъ не тамъ — гдѣ зиждутся таковыя храмы для служенія ему, гдѣ приносятся таковыя жертвы для благоденствія согражданъ? —

Благодѣтельная дщѣрь небесъ! Ты, кошерая украшаешь троны Царей, укрѣпляешь силу народовъ, одушевляешь истинныхъ сыновъ своихъ ко благу общему — *Любовь Отечества!* Одушеви слабый духъ оратора, — дай мнѣ силу слова вѣщать о силѣ и дѣйствіяхъ твоихъ! Открой мнѣ времена протекшія, покажи блаженствовавшіе тобою народы; представь во всемъ величій сыновъ, пожертвовавшихъ собою благоденствію отечества; укрась простотою и искренностію мое слово, да истощитъ оно, подобно твердому кремню искры изъ холодной стали!! —

Прежде изслѣдованія о силѣ и дѣйствіяхъ любви къ отечеству, встрѣчаются два важные вопроса: *что такое отечество? что такое любовь къ отечеству?* — Въ самомъ дѣлѣ на сіи вопросы много было разныхъ изъясненій — и по большей части нелѣпыхъ. Одинъ говорилъ: *отечество есть то мѣсто, гдѣ жить хорошо.* Ошвітъ довольно оспаривъ но обманчивый; всякъ по своему вѣсипъ и мѣраешь, что значить *жить хорошо.* Разбой-

никъ думаетъ, — что тамъ для него жизнь
щастливая, гдѣ грабежъ и убійство не по-
читаются важными злодѣянїями; тайный
хищникъ шѣ мѣста почитаетъ раемъ,
гдѣ простота златаго вѣка — увѣрен-
ная въ добросердечїи собратїй своихъ —
нимало не беретъ предосторожности о
сохраненїи своей собственности; сребро-
любецъ полагаетъ свое отечество тамъ,
гдѣ злато и сребро могутъ печь къ не-
му рѣкою; мздоимецъ тамъ благосло-
вляетъ жизнь свою, гдѣ на мздоимство не
обращаютъ вниманїя; неправедный судїя
ту страну почитаетъ блаженною, гдѣ
гражданскїе законы можно всегда изъяс-
нять въ свою выгоду и гдѣ справедли-
вость не находитъ себѣ защиты; неклю-
чимый тунядецъ устремляетъ всѣ мысли
свои въ тотъ край, гдѣ можно жить ве-
село безъ всякаго труда на щетъ ближ-
нихъ; кичащійся древностїю произведе-
нїя своего то мѣсто почитаетъ не до-
стойнымъ своего пребыванїя, гдѣ въ уваже-
нїи личныя достоинства, — а не порока; над-
мѣнной Самрапъ щипаетъ то Государство
ниже себя, гдѣ законы ему не позволяють

упѣснятъ подчиненныхъ и гдѣ невинный можетъ стоять на одной доскѣ съ начальникомъ; — словомъ: сколько недѣлимыхъ въ родѣ человеческомъ, — столько разныхъ понятій о щастіи жизни, столько разныхъ мнѣній объ отечествѣ. Но поставь разбойника въ царствѣ разбойниковъ, — гдѣ бы онъ, грабя и убивая своихъ собратьевъ, самъ долженъ былъ ежеминутно ожидать подобнаго жребія, — и онъ будетъ проклиная свое отечество; поставь хищника въ царствѣ хищниковъ, гдѣ бы онъ, производя свои хищенія, равномерно и самъ могъ терять собственность отъ хищенія другихъ, — и онъ будетъ проклиная свое отечество; поставь неправеднаго судію на мѣсто того, кто обвиненъ имъ неправедно, — и онъ будетъ проклиная законы неправый; судъ на него изрекшіе; здѣлай пиранна подданнымъ другому пиранну, — и онъ будетъ проклиная руку надъ нимъ тяготящую; поставь всякаго, исключая добродѣтельнаго, въ родѣ людей ему подобныхъ, — скажи: ты имѣешь право обижать ближняго и ближній имѣешь право обижать тебя безъ всякаго взысканія за то по за-

конамъ; — тогда онъ съ ужасомъ опсудупишь опъ правъ своихъ. И такъ, естъ-мъмы по своимъ спрастямъ и склонностямъ станемъ почитать отечесствомъ то мѣсто, гдѣ намъ *жить хорошо*; по ни одно общество устоятъ не можеть, и понимать въ такомъ смыслѣ слово *отечество*, — значить хотѣшь пользоваться *правомъ сильнѣйшаго*.

Суемудрый Космополитъ, не привержень будучи ни къ какому мѣсту, ни къ какому народу, забывъ колыбѣль своего младенчества, забывъ сосцы его питавшіе, скажеть: *цѣлый свѣтъ мое отечество*. — Ты величественно судишь, хладнокровный мудрецъ! Какая мысль можеть быть лестнѣе сей для ума человѣческаго? Но посели тебя на необитаемомъ островѣ, — гдѣ нѣтъ сочеловѣка, которой бы защищаль тебя отъ челюстей звѣриныхъ; поставь между дикихъ народовъ, — гдѣ нѣтъ состраждающаго ни гладу, ни жадѣ твоей, — гдѣ нѣтъ людей, которые бы вняли словамъ твоимъ, которые бы почтили таланты твои, — гдѣ нѣтъ руки охраняющей цѣлостъ твою; — и ты скажешь: *тутъ*

нѣтъ моего отечества. И такъ признайся, хитрый обитатель цѣлаго свѣта! ты это говоришь отъ того только, что считаешь себя обиженнымъ — или не достойно принятымъ въ швоей землѣ; признайся, ты не любишь никакого народа, — ты самъ себя обманываешь и любишь только тѣхъ, которые жертвуютъ швоему самолюбію, или — ты любишь только самого себя! Ты ищешь тамъ своего отечества, гдѣ можно тебѣ быть властелиномъ, а не подвластнымъ, — гдѣ можешь давать законы, а не повиноваться имъ; — вообрази же, что цѣлый свѣтъ будетъ судить такъ высокомѣрно, какъ судишь ты; представь ту же самую, по швоему забавную картину, что всѣ люди станутъ скишаться, переходя съ мѣста на мѣсто — чтобы найти себѣ отечество, — всѣ люди станутъ искать себѣ власти, а не повиновенія; — можетъ ли тогда составиться какое нибудь общество? Но ты скажешь: нельзя *всѣмъ* такъ думать; — какоежъ исключительное право имѣешь ты *одинъ* такъ думать? и идеаль *всемирнаго отечества* не естъли произведеніе

сумазброднаго воображенія? . . . — Надобно избрать мѣсто, которое бы можно было назвать *своимъ мѣстомъ*; надобно избрать народъ, которой бы можно было назвать *своимъ народомъ*: надобно избрать главу, которую бы можно было назвать *своею главою*; надобно поклясться исполнять законы, которые бы можно было назвать *своими законами*! —

Добродушный простолюдимъ назоветъ своимъ отечествомъ то мѣсто, гдѣ онъ выпустилъ первый вопль по рожденіи своемъ, — гдѣ онъ началъ развершивать простыя понятія свои, — гдѣ началъ привыкать къ языку и къ нравамъ собратій своихъ, — гдѣ научился пасти стада свои, воздѣлывать поля свои. — Онъ столько приверженъ къ *этому* отечеству, что скорѣе согласится изъ камня доставать себѣ насущный хлѣбъ, нежели переменить мѣсто рожденія своего, — самый великолѣпный городъ почтетъ несноснымъ для себя заточеніемъ. — И онъ правъ въ мысляхъ своихъ, — онъ имѣетъ свое отечество!

Но что представляет себѣ подѣ и-
мянемъ отечества здравомыслящій граж-
данинъ, который не ограничиваетъ онаго
кругомъ зрѣнія своего, который думаетъ
не о себѣ только самомъ, — но о великомъ
цѣломъ, коего часть онъ составляетъ? —
„Для него имя отечества, какъ нѣкто ска-
„заль, — свято и возжелѣнно: оно изобра-
„жаетъ ему отца, дѣшей, семейство; из-
„ображаетъ власть и подчиненность. —
„но вмѣстѣ безопасность и свободу; по-
„рядокъ, строгость, труды и пожертво-
„ванія, — но вмѣстѣ щастіе и спокой-
„ствіе. Отечество намъ даетъ жизнь
„и хранитъ ее; оно не терпитъ ни како-
„го зла въ нѣдрѣ своемъ, кромѣ зла неиз-
„бѣжнаго — болѣзни и смерти; не постав-
„ляетъ другаго различія между чадъ сво-
„ихъ, кромѣ различія добродѣтели, талан-
„товъ, заслугъ и никому не возбраняетъ
„пути къ возвышенію и славѣ. Оно изрѣ-
„каетъ законы и вѣряетъ стражу надъ
„ними Архоншамъ, Кесарямъ или Царямъ;—
„но само бодрствуетъ надъ сими стража-
„ми и строгимъ окомъ назираетъ ихъ дѣ-
„янія. — Это мать — нѣжнѣйшая; это

„власть — священнѣйшая, современная на-
„чалу обществъ; это божество — неоп-
„вергающее ни чьихъ моленій и для того
„только приемлющее дары и приношенія,
„чтобы раздѣлять ихъ приносящимъ! Съ
„свѣтлою улыбкою веселія взираетъ оно
„на добрыхъ и, бросая громъ на злыхъ, воз-
„дыхаетъ!!“ —

Чтожь такое *любовь къ отечеству*?
„Она есть, говоритъ тотъ же Авторъ,
любовь къ порядку, къ устройству, къ
законамъ, къ добродѣтели, къ общему и
собственному благу.“ — Очень хорошо объ-
яснена любовь къ отечеству; но это лю-
бовь хладнокровная: ибо она съ усло-
віями. Кто любитъ отечество пото-
му только, что видитъ въ немъ поря-
докъ, устройство, благо общее и соб-
ственнсе; тотъ почитетъ себя въ правѣ
здѣлавъ измѣнникомъ своему отечеству,
какъ скоро примѣтитъ въ немъ недоспа-
шокъ сихъ качествъ. Такимъ образомъ
только умершій для всѣхъ чувствъ сер-
дечныхъ старецъ даетъ урокъ пылкому
юношѣ. Нѣтъ, любовь есть страсть, —
любовь къ отечеству есть страсть силь-
нѣйшая и щастливѣйшая для Государства;

она всегда юна, никогда не погашаетъ пламени своего! Кто прямо любитъ свое отечество, тотъ не судитъ о причинахъ любви своей: онъ видитъ въ немъ неустройства, видитъ злоупотребленія и, вздыхая втайнѣ, не престаетъ еще любить тотъ народъ, которому одинъ разъ поклялся быть сочленомъ. Онъ всѣ силы, всѣ способности приносить въ жертву отечеству и не измѣряетъ заслугъ своихъ цѣною награды. Ему и горькій дымъ своего отечества приятенъ! „Для него, по словамъ Платона, (*) отечество дороже отца, матери, всѣхъ родныхъ и друзей. Онъ боготворитъ его, — повинуется ему болѣе, нежели отцу своему; все переноситъ для него съ терпѣливостію: наказания, раны, узы и самую смерть. Онъ не отклоняется, не отступаетъ и не опшоргается отъ того порядка, который въ ономъ установленъ. На войнѣ, въ судѣ и вездѣ исполняетъ съ ревностію то, что повелитъ ему отечество.“ — Или, какъ говоритъ Цицеронъ сыну своему: „когда ты обо всемъ здраво разсуждаешь станешь; то

(*) Talis ne tua sapientia est, et caet. Plato, Dialogus V.

увидишь, что изъ всѣхъ обществъ нѣтъ любезнѣе того, въ которомъ каждый изъ насъ имѣетъ участіе: милы родители, милы дѣти, родственники, друзья; но всѣ сѣи привязанности заключаетъ въ себѣ одно отечество., (*)

Такія чувства великихъ людей покажутся суешными умствованіями хладнокровнымъ самолюбцамъ, — кои никогда не помышляли о связи обществъ, о необходимомъ соучастіи единоплеменныхъ, о благѣ народномъ. — Но истинный гражданинъ, но человѣкъ не всеу носящій на себѣ образъ всеблагаго — премудраго Божества, представляетъ въ умѣ своемъ всю силу сихъ великихъ мыслей, — чувствуетъ въ сердцѣ своемъ всю возможность событія оныхъ; а великіе образцы, въ дѣлописяхъ человѣчества представляемые, утверждаютъ его чувствованія! —

Возьмемъ въ примѣръ Государя, который совершенно понимаетъ долгъ званія своего, — который совершенно любитъ подданныхъ своихъ; — онъ, принимая въ

(*) Cum omnia ratione et caet. Cicero in lib. I. de officiis, ad filium suum, cap. 22.

десницу свою жезлъ правленія, обяза-
жить — лишь для народа своего, — по-
свящаетъ покой свой — его успокоенію, —
обѣщается давать ему законы — полез-
ные и справедливые, — клянется не имѣть
иной воли — кромѣ согласной съ сими
законами. Чѣмъ онъ могущественнѣе стано-
вится надъ народомъ, тѣмъ менѣе почи-
таетъ себя свободнымъ; онъ не обинуется
оплавать опчетъ въ своихъ слабостяхъ,
въ спрассахъ, въ заблужденіяхъ; онъ от-
рекается самаго себя, когда соглашается
царствовать. — Такъ, впрочемъ мыслили Ан-
тонинъ, Маркъ Аврелій, Титъ; одинъ го-
ворить: *я не имѣю ничего собственнаго*;
другой: *и самый дворецъ мой, не мой*
есть; третій щитаеъ тотъ день поте-
ряннымъ, котораго не ознаменовалъ онъ
какимъ нибудь благошвореніемъ. Исторія
царствъ земныхъ сберегла для насъ еще
нѣсколько примѣровъ симъ подобныхъ;
но мы оставимъ Тезея, Кодрова, Эди-
пова, которыхъ царшвованіе и дѣла бо-
лѣе баснословны, нежели истинны, — и
перейдемъ къ нашему любезному отече-
ству. Почт. Слуш. что можетъ быть сла-

достѣнѣ воспоминанія великихъ примѣровъ въ собственномъ отечествѣ? Что можетъ быть наставительнѣе для ума и пишательнѣе для сердца? — Кромѣ другихъ многихъ мы увидимъ въ лѣтописяхъ нашихъ Царя, — котораго вся жизнь посвящена была на благо народа своего; Царя, котораго всѣ дѣянія будутъ казаться неудобовѣроятными во времена грядущія; Царя, которому не было равныхъ во временахъ протекшихъ; — увидимъ Великаго ПЕТРА — увидимъ просвѣтителя и спасителя Россіи!! — Кому не извѣстно изъ соотечественниковъ нашихъ, сколь велика — сколь неограниченна была любовь Его къ подданнымъ? Какихъ трудовъ, какихъ неприятностей, какихъ пожертвованій не переносилъ онъ для утвержденія благоденства ихъ на незыблемомъ основаніи? — Какой Монархъ сравнится съ нимъ въ великодушіи, — когда онъ, находясь въ осадѣ у неприятеля и бывъ въ опасности — здѣлался плѣнникомъ онаго, даетъ приказъ Сенату: чтобъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ будетъ въ плѣнѣ, не зовишаъ его Государемъ своимъ и не по-

виноваться никакимъ предписаніямъ его. Что можешь быть разительнѣе, когда онъ — подобно преблагому Богу — не пожалѣлъ и сына своего для спасенія отечества? — Еслили прошедшее восхищаетъ сердца наши; то колыми паче настоящее приводитъ въ восторгъ духъ истинныхъ Россіянъ: мы созерцаемъ нынѣ въ АЛЕКСАНДРѢ Первомъ Ангела мира и щедротъ, созерцаемъ утѣху рода человѣческаго, созерцаемъ божественный образъ самой Любви къ Отечеству!!

Представимъ себѣ величественную картину: что цѣлое воинство, одушевленное любовію къ Отечеству, идетъ противъ непріятели — или защищать права народныхъ, или отмщать оскорбленную честь Главы отечества; представимъ, какъ каждый въ немъ воинъ до энтузіазма напоенъ сильными чувствованіями: что онъ идетъ защищать поля — которыя питають его, жилища — собратій своихъ, гробы — отцевъ своихъ, ложа — женъ своихъ, колыбели — дѣтей своихъ; представимъ, какъ мужественный и благоразумный вождь такое имѣетъ о

воинствѣ попеченіе, что не имѣя въ виду ни собственной пользы, ни собственной чести и славы, — не жалѣетъ и собственной жизни; — а дыша единственно любовью къ отечеству, помышляетъ только о благоденствіи онаго, о славѣ, о чести отечественнаго оружія и монарха своего; — и что можетъ противу стать столь твердому оплоту отечества? Что можетъ устрашить сонмъ героевъ, кои все единодушно поклялись положить жизнь свою за цѣлость отечества? — Съ такими-то чувствами триста Спартанцевъ, подъ предводительствомъ царя своего Леонида, не устрашились грудь свою поставивъ въ преграду страшному Персидскому войнеству! — Они пали, Почт. Слуш! они все пали мертвы и одна могила сокрыла прахъ ихъ; — но паденіемъ своимъ они спасли отечество отъ неминуемаго паденія; — вошь ихъ честолюбіе, вошь ихъ награда! — Такимъ образомъ Марафонское сраженіе было торжествомъ — любви къ отечеству. Сіи-то чувства выражала юный Эпаминондъ, когда умирая за отечество, говорилъ своимъ воинамъ: „не почитайте этого дня кон-

„цею моею жизни; онъ есть начало моего „блаженства и верхъ моей славы: я о- „ставляю Оивянъ торжествующихъ!„ — Многихъ Героевъ видѣлъ у себя и Римъ, по- ка самолюбіе и корысть не овладѣли ума- ми гражданъ его.

И такъ сіи великіе примѣры утвер- ждаютъ, что любовь геройская къ оте- честву — не есть мечта воображенія. Но мы слишкомъ были бы несчастливы, ес- либъ только постороннимъ и отдален- нымъ отъ народа и вѣка нашего примѣ- рами удивляться могли, — ес- ли бы подоб- ныхъ опытовъ приверженности и герой- скихъ пожертвованій отечеству не нахо- дили въ родѣ нашемъ. Россія, отъ глу- бокой древности до нынѣшнихъ временъ, почти непрерывно имѣла случаи утѣ- шаться геройскою вѣрностію и храбро- стію сыновъ своихъ. Въ самые смутные годы, когда въ ней единство духа на- роднаго было раздроблено на многія части, — были герои, которые пока- зали любовь къ отечеству и крѣпость омы народной только отъ всеобщаго у- нынія на время ослабѣвшей. Не входя въ

подробное изслѣдованіе всѣхъ случаевъ, гдѣ Славяне, предки наши, доказали приверженность свою къ отечественной пользѣ и славѣ, вспомнимъ о Куликовомъ Полѣ, — и оно представитъ намъ картину Мараеонской долины. Князь Пожарской превосходитъ Энаминонда, спасши отечество отъ ига чужеземцовъ. А Полтавское сраженіе? О! Это есть тріумфъ, который вѣчно будетъ напоминать Россіи вѣрность сыновъ ея къ трону и любовь къ отечеству!! — И въ наши времена видѣли мы у себя добродушныхъ Камилловъ, видѣли мудрыхъ Фабіевъ, видѣли отважныхъ Сципіоновъ; Царства Опшомановъ, Сармашовъ и Финновъ — суть свидѣтели храбрости Россійской, производящей отъ любви къ отечеству и къ престолу. Кто не знаетъ, какъ Италійскій Герой, изъ одной приверженности къ благу общему, ко славѣ царства и къ чести Царей своихъ, забывъ нанесенныя ему огорченія, — шествовалъ съ тріумфомъ по стопамъ Ганнибала и, наказуя буйство, возвращалъ короны — поддерживалъ зыблющееся престоломъ Государей Европейскихъ? — Вы, ко-

торые сопровождали его на пути славы (*), вы свидѣтели его неутомимыхъ подвиговъ, его предпріимчивости, его мужества, его неустрашимости, его безпримѣрной добродѣтели, его безкорыстія и наконецъ его приверженности къ Трону и Отечеству. Да промчится память его въ роды родовъ, отъ вѣка въ вѣкъ! Да возродитъ щастливое соревнованіе въ соотечественникахъ нашихъ ко славѣ и благоденствію Россіи!!

Но не въ однихъ только подвигахъ геройскихъ оказывается любовь къ отечеству; и въ мирѣ, и въ тишинѣ, внутри стѣнъ своихъ истинный гражданинъ такъ же можетъ жертвовать оному, какъ и ратникъ на Марсовомъ полѣ. — Любовь есть пламень; она, какъ молнія, перелетаетъ во всѣ состоянія людей: сила, искусство, промышленность, просвѣщеніе, дарованія, добродѣтели, — все можетъ слу-

(*) Въ сіе время присутствовалъ Князь Горчаковъ, Тамбовскаго мушкетерскаго полку Шефъ, съ Шнабъ и Оберъ-Офицерами, которые были съ Княземъ Минайскимъ въ Швейцаріи. —

жить, все можетъ приносить дань отече-
ству. Сократы, Фокіоны, Цицероны, Ме-
ценады, Сюлли и Колберты не въ рыцар-
скихъ доспѣхахъ, — но въ мирныхъ тогахъ
до сихъ поръ удивляютъ свѣтъ ревно-
стію своею къ общему благу. Представимъ
министра, или Монархова наперсника,
которой бы истинно любилъ свое отечес-
тво; — онъ долженъ быть не иной, какъ
человѣкъ просвѣщенный, трудолюбивый,
всегда равно удобоприступный, предан-
ный Отечеству и Государю; онъ забы-
ваетъ самаго себя и ничего не видитъ,
кромѣ блага общественнаго; онъ для
собственной пользы не станетъ удов-
летворяясь порочнымъ прихотямъ Мо-
нарха своего. Онъ почитаетъ себя за-
щитникомъ истинны и безъ содроганія
духа говоритъ ее предъ трономъ. Ника-
кое лицепріятіе, никакое корыстолюбіе
не поколебаютъ сердца его; никакой гнѣвъ,
ниже самое низверженіе не ужасаетъ его;
онъ боится только того, что не будетъ
въ состояніи здѣлать столько добра о-
течеству, сколько его способности поз-
воляютъ. Онъ въ глазахъ Государя, въ
глазахъ народа, въ глазахъ мудраго, въ

глазахъ самой зависти можетъ смѣло показаться такимъ, каковъ онъ есть. Ему не нужно прикрывать себя пышностію породы; шакія помпы приличны только тѣмъ, которые не имѣютъ личныхъ достоинствъ и хотятъ заслѣпить глаза зрителей, чтобъ не примѣтили ихъ недостатковъ. Почтеніе его само предваряетъ, уваженіе его окружаетъ, его добродѣтель покрываетъ его всего, — она его свита и великолѣпіе!

Что сказано о министрѣ и любимцѣ трона; шѣ же обязанности принимаютъ на себя всѣ тѣ, которые удостоиваются полной довѣренности Монаршей въ правленіи обласпей, которымъ ввѣряется попеченіе благоденствія цѣлыхъ провинцій, которымъ вручаются вѣсы правосудія. Не скажетъ ли кто, что нѣтъ опытовъ такой строгой добродѣтели? А Сократы, а Аристиды, а Вруны, а Регулы, а Фабриціи, а Катоны, а Долгорукіе развѣ не доказали примѣромъ своимъ возможности таковыхъ свойствъ? — Признаться надобно, мы часто потому цѣняемъ иныя дѣлнія не сбыточными въ человѣчествѣ, что хотимъ сколько

нибудь защититъ тѣмъ, или утѣшитъ слабость собственнаго духа.

Наконецъ какая приятная, — какая разительная картина представляется взорамъ нашимъ, когда видимъ, — что честный человѣкъ, не имѣющій никакого участія въ правленіи, не имущій никакихъ почестей, никакого вознагражденія, — а единственно изъ сильного желанія содѣлать существенную пользу Отечеству, содѣлать неизмѣняемое и всегда оощутельное благо согражданамъ — жертвуетъ Отечеству всѣмъ своимъ имѣніемъ, трудами и бережливостію цѣлой жизни своей, отказывая самому себѣ не только во введенныхъ приходяхъ, но и въ нужныхъ издержкахъ!! Поч. Слуш.! Вы понимаете, къ чему клонится слово мое и радостныя лица ваши ясно показываютъ желаніе услышать нелестную хвалу согражданину, сочлену вашему — основателю сего священнаго Леенея — Демидову. Но я боюсь, что никакая наша хвала не будетъ достойна его дѣянія; — боюсь огорчить ту великую душу, которая дѣйствовала не для славы, не для

молвы народной, даже и не для благодарности; которая, подобно Божеству, довольна одною своею добродѣтелію, одною благоспѣію своею, — и въ полношѣ чувствъ своихъ ушѣвается грядущею пользою. — Пускай грубое невѣжество, пускай ядовитая зависть, пускай хитрая злоба изощряють, какъ бриву, языкъ свой въ поношеніе дѣянія его! Это не уменьшитъ, а возвеличитъ честь и славу его. — Почт. Дворяне и Граждане Ярославскіе! Вы чужды таковыхъ злобныхъ чувствованій; вы понимаете всю цѣну и важность сего заведенія: оно здѣлано изъ любви къ вамъ, изъ отеческой любви къ дѣтямъ вашимъ — къ попомкамъ вашимъ; — и если не настоящее, то будущее восхищаетъ сердца ваши. А вы родители — родственники сихъ юныхъ опраслей, — вы, которые бывъ лишены способонъ для должнаго воспитанія дѣтей своихъ, можете быть не надѣляясь имѣнь щастіе — видѣть въ нихъ утѣху и подпору своей старости, — скажите, что вы теперь ощущаете въ сердцахъ вашихъ? О! радость ваша неизглаголанна! Тренещущія сердца ваши пре-

исполнены надежды и умиленія! Блистающія слезы на очахъ вашихъ суть безмолвные, но краснорѣчивые того свидѣтели! —

Любезные дѣти! вы юны; но вы вѣрно чувствуете, что Любовь Отечества пріяла васъ въ нѣдра свои, что Любовь Отечества будетъ васъ лелѣять и нѣжно назирать за дѣянїями вашими, стараясь сдѣлать изъ васъ полезныхъ сыновъ. — Да зрѣте болѣе и болѣе сіе чувство въ нѣжныхъ сердцахъ вашихъ! Да будетъ во всю жизнь вашимъ лозунгомъ: *Любовь къ Отечеству — и ния Демидова!* Это послужитъ для васъ волшебнымъ тализманомъ, предохраняющимъ васъ отъ всѣхъ неправедныхъ покушеній. Тогда, — на сраженіи ли вы будете защищать Отечество, или опмщать честь Государя? — вы почувствуете въ сердцахъ своихъ силу львиную, мужество Алкидово. Тогда, — въ совѣтѣ ли судей будете рѣшить судьбу правыхъ и виновныхъ? — никакая мзда — никакое лицепрїятіе не соблазнитъ сердца вашего. Тогда, — никакое

щасіе, никакїа почести не приведутъ въ надмѣніе духа вашего. Тогда,—никакое нещасіе не отягчитъ души вашей опчаяніемъ. Тогда, — не вы чести, не вы награды искать будете; васъ честь, васъ награда повсюду сопровождать и искать будетъ. Тогда, — не наслѣдственное шило благородства, но истинное благородство ума и сердца будетъ украшать имяна ваши. Тогда, — не вамъ предки ваши, вы предкамъ своимъ честью и украшеніемъ служить будете. Тогда,—какое неизъяснимое утѣшеніе для чувствительныхъ родителей! — Они услышатъ, что дѣти ихъ служатъ съ вѣрностію Государю; что всѣ силы, всѣ таланты приносятъ въ жертву Отечеству; что имяна ихъ опъизываются съ уваженіемъ заслугъ ихъ;—они услышатъ, — и слезы радости покажутся градомъ по ланинамъ ихъ! — Тогда — зановѣи поспѣдѣи шагъ за дверь гроба — они скажутъ: мы щасливы, — мы оставляемъ по себѣ дѣтей, которые дѣлаютъ честь роду нашему! —

О

*Малой Россіи.**(Окончаніе.)*

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ по смерти Богдана Хмѣльницкаго войско выбрало себѣ новаго Гетмана — Генеральнаго Есаула Ивана Виговскаго. Но сей человекъ — и многіе за нимъ послѣдовавшіе Гетманы не имѣли, какъ мы увидимъ, — духа, благородства въ чувствахъ и любви къ отечественной пользѣ Богдана Хмѣльницкаго: онъ доказалъ собою ту истину, что великіе люди для счастья народовъ являются не часто. — Виговскій одинъ годъ только былъ вѣренъ, или лучше носилъ на себѣ личину вѣрности къ Царю Алексѣю Михайловичу. За симъ началъ крамолы, и началъ ихъ — пославши тайно къ Королю Польскому Іоанну Казимиру II-му письмо, въ которомъ договаривался о передачѣ Малой Россіи съ Украиною Польской Коронѣ. Условія, на коихъ предлагалъ онъ предательство, были: чтобы Малая Россія и Украина,

поступя подъ владѣнїе Польши, получили права и преимущества тѣ же, какими пользовались сами Поляки и жители Великаго Княжества Литовскаго. — Малороссійскіе Генеральные Старшины, открывъ умыслъ Гетмана, такъ же тайно послали о семъ донесеніе къ Царскому Двору; а между тѣмъ до Его рѣшенія положили — Гетмана Виговскаго арестовать и посадить подъ стражу. Но въ тѣ времена, особливо въ сихъ краяхъ, — ни хитрости злыхъ предателей, ни благоразуміе добрыхъ гражданъ не имѣли еще предусмотрительности и необходимой скрытности; почему и Гетманъ Виговскій, прежде своего ареста, свѣдавъ о положеніи Старшинъ не въ его пользу, тотчасъ скрылся. Разположеніе умовъ въ Украинѣ, какъ отранѣ ближайшей къ Польскимъ предѣламъ, больше согласовалось съ его предпріятіями, — онъ тамъ имѣлъ успѣхъ: склонялъ козаковъ тамошнихъ полковъ и жителей на свою сторону, — и Казимиръ II-й пожаловалъ его Гетманомъ Украинскимъ.

Московскій Царь, принявъ донесеніе отъ Генеральныхъ Старшинъ, потчасъ повелѣлъ Велико-Россійскимъ полкамъ выступить въ Малую Россію, дабы не допустить непріятеля и измѣнника Виговскаго ворваться въ оную. Война сія не имѣла вида обыкновенныхъ войнъ; и потому длилась почти два года. Окончаніемъ ея было то, что Виговскій съ Украинскими козаками, Поляками и Бугжашскими Татарами, — нападаая то тамъ, то индѣ на Малую Россію, — не успѣлъ овладѣть ею, бывъ отражаемъ вездѣ съ урономъ для себя.

Внутреннее состояніе Россіи, еще не совсѣмъ изцѣленной отъ долговременныхъ и глубокихъ ранъ послѣ ига Татарскаго и разореній Польскихъ, не дозволяло дѣйствовать тогда наступательно и наказатъ измѣну, какъ она того заслуживала. Возстановлено только спскойствіе внутри Малой Россіи, обезопасены нѣсколько ея предѣлы, — и это доставило случай выбрать оиятъ въ ней Гетмана. Войско, помня все еще живо заслуги и дарованія Богдана Хмѣльницкаго, обрати-

ло свой выборъ на сына его Юрія Хмѣльницкаго; но примѣры очень рѣдки даже въ Исторіи цѣлаго міра, что сынъ поддержи- валь славу отца въ какихъ бы то ни было от- личныхъ качествахъ. Юрій Хмѣльницкій не былъ почти ни въ чемъ Богданомъ Хмѣль- ницкимъ — и оставилъ намъ въ исторіи жизни своей неизъяснимую черту: скоро, по выборѣ его въ Гетманы, онъ ушелъ къ Туркамъ, — у коихъ нѣкогда былъ въ плѣну отецъ его, — ополѣ бѣжалъ было къ По- лякамъ; — но былъ пойманъ, посаженъ съ Семибашенный Замокъ и остался тамъ на всегда.

Генеральные Старшины опять здѣла- ли выборъ Гетмана; выборъ сей палъ на Старшину Стародубскаго полку Петра Дорошенка, — и былъ опять неудаченъ. Сей Гетманъ возобновилъ замыслы Вигов- скаго, которой уже умеръ и по смерти новаго Украина передалась Турецкому Сул- тану Магомеду IV; — Дорошенко ушелъ тайно къ Украинцамъ, зная духъ ихъ — всегда готовый къ новымъ предпріятіямъ, и склонилъ ихъ избрать себя Гетманомъ Украинскимъ. Замыслы его не сбылись и

осыбли что выигралъ онъ чрезъ побѣгу
свой, такъ это — превратилъ только се-
бя изъ Гешмана Малороссійскаго въ Ук-
раинскаго.

Между тѣмъ Войско и Генеральныя
Старшины двумя примѣрами худаго вы-
бора все еще не научились предусматри-
тельности, благоразумію въ такихъ дѣ-
лахъ, — и выбрали въ Гешманы Чернигов-
скаго Полковника Даміана Многогрѣшна-
го. Не извѣстно, была ли его фамилія
изображеніемъ его жизни; но по послѣд-
ствіямъ можно догадываться, что онъ
здѣлался ея достойнымъ: ибо тайно подъ
стражею увезенъ былъ изъ Малой Россіи
въ Москву, — а ошолѣ въ средину про-
странной Азіятской Россіи на вѣчное жи-
тельство. Мѣсто его замѣнилъ новый
грѣшникъ другого рода Генеральный Обоз-
ный Иванъ Брюхавецкій. Ему пришла вы-
сокая мысль въ голову — здѣлаться са-
мовластнымъ, ни ошъ кого назависящимъ
владыкою Малой Россіи. Хорошо, естьли
бы онъ удовольствовался — одною толь-
ко мыслию; но онъ предпринялъ произ-
вести ее въ дѣйство и разположилъ свой

планъ такимъ образомъ: какъ зналъ онъ, что склонить на свою сторону вѣрныхъ подданныхъ Царю и истинныхъ сыновъ Отечества — Генеральныхъ и полковыхъ Старшинъ ему не возможно; то положилъ прежде всего возмутить чернь и обща-нїями, разумѣется самыми лестными, за-ставивъ ее отложиться отъ подданства Россїи; — потомъ, въ случаѣ упорнаго со-противленїя со стороны Старшинъ, пригласить Крымскихъ Татаръ, спорговавшихся напередъ съ ними, — принудить силою вѣрныхъ подданныхъ къ измѣнѣ и привести въ рабство; — а для начала всего по-слалъ онъ къ новонаселеннымъ или состав-леннымъ полкамъ Слободскимъ — Сумско-му, Ахтырскому и Харьковскому благо-волительное предложенїе: не хотѣя ли они принять его сторону? — Но сїе на-чало разстроило весь обширный планъ его: новые полки оказали древнюю вѣрность и преданность Россійскому Царю и полу-чили за то похвальные отъ Его Царскаго Величества грамоты; а Гешманъ Иванъ Брюхавецкій, избѣгая награды своимъ за-слугамъ, ушелъ къ Татарамъ въ Крымъ

и тамъ кончилъ жизнь свою — скромнымъ подданнымъ Хана.

Наконецъ пятый выборъ палъ на достойнаго — Гешманомъ здѣланъ Генеральный Обозный Иванъ Самойловичъ. Это былъ человѣкъ съ ненарушимою вѣрностію къ Царю своему, хотя и не имѣлъ великихъ достоинствъ воинскихъ и хотя управленіе его не ознаменовано ни какимъ славнымъ дѣяніемъ. Къ его жъ несчастію мисгіе изъ Спаршинъ заразились духомъ возмущенія прежнихъ Гешмановъ; а видя, что при немъ ничего нельзя ждать новаго, начали клеветать на него. Малая Россія, удаленная отъ Двора, не могла быть извѣстною Ему — и донесенія клеветы погубили Самойловича: онъ былъ лишенъ Гешманскаго достоинства и сосланъ въ ссылку. Можно съ достоверностію дозрѣвать, что участвовалъ въ этомъ больше всѣхъ Генеральный Есауль Иванъ Мазепа; ибо тотчасъ онъ здѣланъ Гешманомъ. Его жизнь, опличенная примѣрнымъ вѣроломствомъ, очень извѣстна по Исторіи войны между ПЕТРОМЪ Великимъ и Карломъ XII Королемъ Шведскимъ; а потому

опустить покрывало на его Гетманство —
будетъ простиительно.

Въ то самое время, какъ Мазепа передался Карлу XII, войско Малороссійское вѣрное своему Государю съ воли ПЕТРА Великаго и въ Его Высочайшемъ приушествіи выбрало въ Глуховѣ Гетманомъ себя Стародубскаго Полковника Ивана Ильича Скоропадскаго. Онъ достойно оканчиваетъ ссй санъ, который началъ и украсилъ собою Богданъ Хмѣльницкій. Такимъ образомъ къ ушѣшенію любящихъ свою отчизну два человека, носившіе булаву Гетманскую, представляютъ себя въ примѣръ истинныхъ заслугъ и преданности Государямъ — Хмѣльницкій и Скоропадскій! По смерти послѣдняго ПЕТРЪ Первый уничтожилъ Гетманство и указалъ Сенату — учредить вмѣсто его Малороссійскую Коллегію.

Царское достоинство еіе не тогда совершенно уничтожено, — а гораздо въ позднѣйшія времена; но оно имѣло уже другія права и другія формы, какъ мы тотчасъ увидимъ.

Государь Императоръ Петръ II-й повелѣлъ возобновить выборъ Гетмана —

и здѣланъ онымъ Миргородскій Полковникъ Данїиль Павловичъ Апостоль. Въ день коронованія Императрицы Анны Ивановны Гетманъ Апостоль пожалованъ Кавалеромъ Александра Невскаго; знаки сего ордена возложены на него собственною рукою Ея Величества. По смерти Апостола опять пресѣклось Гетманство — и Императрица указала учредить вмѣсто его Министерскую Канцелярію, которая существовала до 1751 года, Ноября 8 числа. А съ сего времени, по дозволительной грамотѣ отъ Государыни Императрицы Елисаветы Петровны Малороссійскому войску, выбранъ въ Гетманы двора Ея Величества Камергеръ Графъ Кирилль Григорьевичъ Разумовскій и тогдажъ онъ пожалованъ Генераль-Фельдмаршаломъ.

Въ Царствованіе Государыни Императрицы Екатерины II-й Графъ Разумовскій лично подалъ Ея Величеству прошеніе и отставленъ отъ Гетманства 10 Ноября 1764 года. Сіе-то время — есть время уничтоженія на всегда Гетманскаго достоинства: ибо оно больше уже не возобновлялось, — Малая Россія при-

няла новый образъ управленія. Тогожь 10 Нобря Государыня повелѣть изволила Сенату — учредить Малороссійскую Коллегію, наравнѣ съ прочими Государственными Коллегіями и пожаловала Генераль-Аншефа Графа Петра Александровича Румицова Генераль-Губернаторомъ Малороссійскимъ, Президентомъ вышеозначенной Коллегіи и главнымъ Малороссійскихъ козацкихъ полковъ Командиромъ.

И такъ Генеральный Судъ, Скарбовая Канцелярія и всѣ въ Малой Россіи существовавшія мѣста перешли въ вѣденіе Малороссійской Коллегіи; права же и преимуществъ остались по прежнему въ ихъ силѣ. Всѣ грамоты отъ Царей и Императоровъ жалованныя Гетманамъ, такъ же всѣ дѣла и бумаги по ихъ управленію — какъ непринадлежавшія къ Малороссійской Коллегіи, отправлены въ Императорскій Кабинетъ — и потому самыя списки ихъ въ здѣшнемъ краѣ очень рѣдки.

Въ послѣдствіи времени открыты въ въ Малой Россіи Намѣстничества: Кіевское, Черниговское и Новгород-Сѣверское; а Малороссійскіе козацкіе полки перефор-

мированы въ карабинерные. Сія форма продолжалась до царствованія Императора Павла I, по указу Коего изъ прехъ Намѣстничествъ здѣлана одна только Губернія — Черниговская, въ которой заключалась вся Малая Россія. Но Государь ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ I, повелѣнье изволилъ, чтобъ Малая Россія заключалась въ двухъ Губерніяхъ — Черниговской и Полтавской. Сіе раздѣленіе оправдывается самымъ нарѣчьемъ: ибо чистый Малороссійскій языкъ можно слышать только въ сихъ двухъ Губерніяхъ; а въ прочихъ къ нимъ прилежащихъ онъ есть смѣшеніе Польскаго, частію Нѣмецкаго и очень много Россійскаго.

Ил — я Кв — ка.

О Мозаикѣ.

Мозаика (*mosaïque*) происходитъ отъ Латинскаго слова *musivum*, превратившагося въ *musaicum*, и наконецъ въ *mosaicum*. Она есть родъ живописи, производимой подборомъ и соединеніемъ цвѣтныхъ, вы-

глаженныхъ камешковъ, или финифтяныхъ призмъ, полагаемыхъ смѣжно на твердой и гладкой дощечкѣ, покрытой мастикою.

Симъ способомъ изображаются различные натуральные предметы и картины лучшихъ живописцевъ, дабы доставить имъ неизмѣнимую прочность.

Мозаическая работа есть *Римская* и *Флорентинская*.

Для первой употребляются финифтяные кубики различныхъ цвѣтовъ, имѣющіе не болѣе двухъ линей въ діаметрѣ, — которые художникъ разсткаетъ остроконечнымъ молоткомъ на призмы столько малыя, какъ того потребуетъ подробность изображенія. Сею мозаикою можно изобразить лучшія картины. *Сентъ-Піеръ*, родомъ изъ Рима, оставилъ много отличнѣйшихъ произведеній сего искусства.

Для Флорентинской мозаики употребляются натуральные камни хорошаго цвѣта, способные принимать полировку, каковы въ особенности суть: яшма и агаты, изъ которыхъ выбравъ тѣ, кои цвѣтъ близко подходитъ къ изобра-

жаемому предмету, обрѣзываютъ такъ, какъ видъ онаго требуетъ. —

Въ Парижской Академіи Художествъ находятся сего рода драгоценныя картины красоты неподражаемой. На поляхъ оныхъ, здѣланномъ изъ краснаго порфира, представлены разнovidныя и разноцвѣтныя вазы, морскіе раковины всякаго рода и пр.

Французское Правительство учредило въ Парижѣ мануфактуру для мозаики сего рода.

Плиній говоритъ, что рисованные полы, съ нарочитымъ искусствомъ здѣланные, ваяны отъ Грековъ; между прочими Пергамской полъ называемый *asarotum*, здѣланный Созусомъ, былъ самый удивительный. Названіе *asarotum*, значущее *нелѣпный*, ему дано потому, — что соръ и крошки, падающія со стола, на немъ представлены были такъ живо, какъ бы въ самомъ дѣлѣ, будто комната не вымѣщена. На семъ полѣ, здѣланномъ изъ маленкихъ разноцвѣтныхъ раковинъ, такъ же приводила въ удивленіе голубка пьющая воду, коей голова отбрасывала пѣнь на сію воду. —

Наконецъ родъ мозаики называемый у Грековъ *lithostrotos* появился въ Римѣ во времяна Силлы, который здѣлалъ таковой полъ въ Пренестѣ, въ храмѣ Фортуны, за 170 лѣтъ до Р. Х. Сей полъ представляющій Географію Египта, составляетъ нѣтъ главное украшеніе ниша, сводомъ своимъ поддерживающаго двѣ лѣсницы, по которымъ всходятъ въ главную часть дворца, построеннаго Барберинами въ городѣ Палестринѣ. —

Въ послѣдствіи времени, не довольствуясь украшать мозаикою дворцы, употребляли ее и въ обыкновенныхъ комнатахъ; а наконецъ на стѣнахъ палатъ и храмовъ. —

Вкусъ къ мозаикѣ сохранился и послѣ паденія Римской Имперіи. — Въ началѣ 13-го столѣтія Венеціане выписали многихъ Греческихъ живописцевъ, изъ числа коихъ Аннелоніусъ училъ своему искусству Габріа Флорентинскаго и съ нимъ здѣлалъ различныя картины, поставленныя послѣ въ семь же городѣ въ церквѣ Св. Іоанна. —

Гаддо — *Гадди* также упражнялся въ семь родѣ живописи. — Наконецъ *Глотто*, родившійся въ 1276 году превосходно изобразилъ лодку Св. Петра, разбитую бурей, которая и нынѣ находится надъ вратами церкви сего Апостола въ Римѣ. — Спустя около 200 лѣтъ Доминикъ Беккафумій прославился отдѣлкою потолка, въ церквѣ Сіенской, представляющаго жертвоприношеніе Авраама. —

Потомъ Іосифъ Арпинскій и Ланфракъ Пармскій превзошли своихъ предшественниковъ. По открытіи новаго свѣта у Мексиканцовъ и Перувійанцовъ нашли родъ мозанки, состоящей изъ подобранныхъ птичьихъ перьевъ, требующій не малаго искусства и терпѣнія. —

Съ Франц. *Александра Каменская*

II. ЖИВОПИСНАЯ ПРОЗА.

Соловей.

(Из Вюффона.)

При всем имени всякой хорошо организованный человек приведет себя на память ту весеннюю ночь, — когда онъ подъ яснымъ небомъ, на чистомъ воздухѣ, въ безмолвіи внимающей природы, съ восхищеніемъ слушалъ пѣніе сего пѣвца лѣсовъ. Голосъ пѣнскихъ пѣвчихъ птицъ можно сравнивать съ голосомъ соловья; ихъ можно такъ же и съ удовольствіемъ слушать, — но тогда, какъ соловей молчитъ. У однихъ тоны столь же приятны; у другихъ ошпѣненія столь же чисты и даже чище; у иныхъ переливы не менѣе обольстительны; — но каждую изъ нихъ соловей превосходитъ полнымъ соединеніемъ различныхъ дарованій и чудеснымъ разнообразіемъ своихъ пѣсней. Цѣлая пѣснь каждой изъ оныхъ птицъ, во всей ея полнотѣ, составишь одинъ только куплетъ пѣсни соловья.

Приготавливается ли сей пѣвецъ весны пѣть гимнъ природѣ? — Онъ начинается робкими, слабыми тонами, — почти нерѣшимыми, — какъ бы желая попытаться и только занять слушателей; но потомъ, ободряясь, одушевляется постепенно; воспламеняется и вскорѣ раскрывается во всей полномѣ свой несравненный органъ: голосъ его громокъ, игра жива и легка, пѣніе льется и въ его переливахъ всегдашняя чистота; внутреннее урчаніе глухое, едва постижимое слуху, — но весьма способное увеличить свѣтлость внятныхъ тоновъ; спремительные, яркіе, быстрые перекаты, сильно выражаемые, даже неровные, но во вкусѣ; жалобные тоны, нѣжно льющіеся, звуки выводимые безъ искусства, — но въ которыхъ видна вся душа; звуки очаровательные, проникательные, — кои выходятъ, кажется, изъ сердца и заставляютъ трепетать всѣ сердца, — кои производятъ во всемъ, что чувствительно, движеніе столь приятное, томность столь протгательную.

Сіи различныя выраженія перемѣшаны съ безмолвіемъ, симъ безмолвіемъ, которое

во всякомъ родѣ мелодіи способствуетъ къ сильнымъ впечатлѣніямъ. Мы наслаждаемся прекрасными звуками недавно слышанными и еще опытающимися въ нашемъ слухѣ;—мы ими болѣе наслаждаемся, поелику сіе наслажденіе не возмущается новыми ощущеніями; потомъ дожидаемся, сильно желаемъ другаго приема;—надѣемся, что эшотъ наиболѣе намъ понравится; и естли обманемся, то приятность отъ рынка нами слышаннаго не позволишь жалѣть о шотъ, который до времени только оставленъ и мы все еще надѣемся на слѣдующіе приемы.

Глафира Шумлянская.

Умирающій Лебедь.

(Изъ Гердера).

Неужели только я одинъ долженъ быть немъ и безгласенъ, — вздыхая говорилъ крошкѣй лебедь самъ съ собою и купаясь при блескѣ прекраснѣйшей вечерней зари, — неужели только я одинъ

изъ всего царства пернатыхъ? Не завидно мнѣ гагаканье гусей, клохтанье куриць и мяуканье павлиновъ; но я завидую твоему голосу, нѣжный соловей; и когда ему внимаю, — то въ упоеніи едва, едва плаву по румяной зарѣ опливающейся на водахъ. Какъ бы желалъ я возпѣть тебя, вечернее—золотое солнце, твой прекрасный свѣтъ, мое блаженство, — потомъ погрузиться въ зеркальномъ отблескѣ твоего багрянца и — умереть! — Тихій лебедь погрузился, поднялся изъ воды опять и видитъ, что какой-то блестящій образъ на берегу манитъ его къ себѣ. Это былъ Богъ утренняяго и вечерняго солнца — лучезарный Фебъ. — „Прелестное и крошкое существо, говоритъ онъ лебедю, твое желаніе — питаемое безмолвно въ груди твоей доселѣ, — теперь исполнится! —“

Сказавши сіе Фебъ, настроилъ лиру свою на безсмертный тонъ и пронулъ ею лебедя. Сей тонъ проникнулъ восхищенную пищу Аполлона, — и она разрѣшилась ошь узъ нѣмоты: лебедь въ шикомъ пѣлїяніи чувствъ, согласуясь со

струнами Бога свѣта, воспѣлъ благодарственно и весело прекрасное солнце, блестящее озеро, и свою невинную — блаженную жизнь. Его пѣніе было такъ пріятно, какъ видѣ его. Медленно влекъ онъ за собою струю и при сладкихъ — засыпающихъ тонѣхъ переселился въ Элисейскія поля. Тамъ, во всей своей небесной красотѣ, палъ къ ногамъ Аполлона съ признашельностію, — что видѣлъ образъ сего Бога и слышалъ безсмертные звуки его лиры. Пѣніе, въ кошоромъ ему отказано было при жизни, сдѣлалось его смертнымъ пѣніемъ — и сопровождаетъ всегда тихое разрѣшеніе членовъ его. Тудажъ явилась и вѣрная подруга его и съ такимъ же сладкимъ при смерти пѣніемъ. Богиня невинности сдѣлала ихъ своими любимцами — и упряжкою той раковинной колесницы, въ которой она душевещивуетъ купаться въ морѣ вноени.

Терпи, вѣнчикъ надбьющееся сердце! въ чемъ тебѣ было отказано при жизни и къ чему, можешь быть, ты было еще неспособно, — то тебѣ достанется минута смерти! —

Съ Нѣмец. Глафира Шумлянская.

Первая Элегія Мессинянъ.

(Изъ Бартелели).

Изгнанцы Греціи, у чуждыхъ народовъ пришельцы — мы видѣли въ людяхъ только безплодную жалость къ нашимъ несчастіямъ, и то не всегда. — Ктожь бы подумалъ послѣ сего, — что, долго носясь по волнамъ, достигнемъ мы берега Эвесперидовъ — страны, на кою природа и миръ изощраютъ прекрасные дары свои, — гдѣ земля благодарная къ трудамъ орастая сторицею возвращаетъ зерна ей ввѣряемая, — гдѣ тихія рѣки вмѣшаны по равнинамъ и подлѣ долинъ обильныхъ лаврами, миртами, гранатами — древами всякаго рода? Тамъ — за сей страной — горячіе пески, дикіе народы, свирѣпыя животныя; но намъ страшишься нечего: тамъ нѣтъ Лакедемонянъ . . .

Обитатели сей прекрасной страны шironулись нашими бѣдствами и благородно предложили намъ убѣжище. Однакожь — печаль все снѣдаетъ дни наши и слабыя радости дѣлаютъ гораздо горши-

ми наши сожалѣнiя. Увы! сколько разъ, прогуливаясь по прелестнымъ садамъ, проливалъ я слезы, когда вспоминалъ о Мессинi! — О щастливые берега Памиза, о святыя храмы, роицы священныя, жолъ — столь часто кровью предковъ нашихъ напаяемая! нѣтъ, я не забуду васъ!! — А вы, свирѣпыя Спартанцы! заклинаю себя именемъ пятидесяти тысячъ Мессинянъ разсѣянныхъ по земли — питаю къ вамъ ненависть столь же необоримую, какъ ваша люпость, — заклинаю себя именемъ попомства, именемъ чувствительныхъ душъ во всѣ времена, во всѣхъ мѣстахъ! —

Нещастные остатки героевъ — гораздо васъ нещастнѣйшихъ! да опъзываютъ мои пѣсни, подобно пѣснямъ Тиртея и Архилоха, вѣчно въ ушахъ вашихъ, — какъ звукъ трубы вознещающей брань войну, какъ громъ потрясающiй главу малодушнаго! Да предсказываютъ они вамъ водни и вѣноци грозныя пѣни вашихъ враговъ — и не дають замвораться въ сердцахъ вашихъ лънамъ еще зiжущимъ!! —

Много вѣковъ наслаждались Мессиняне глубочайшимъ спокойствіемъ на землѣ — всѣмъ нуждамъ ихъ удовлетворявшей, подѣ благотворнымъ вліяніемъ неба — вѣчно яснаго. Они были свободны; имѣли мудрые законы, простые нравы; имѣли царей, которые любили ихъ, — веселые праздники, кои услаждали труды ихъ.

Они вступили съ Лакедемонянами въ союзъ — и потчасъ показали признаки гибели: начали обвинять другъ друга, досаждаютъ одна другой сторонѣ. *Надмѣнность*, доселѣ сковываемая законами Ликурга, обрадовалась случаю — разорвать свои узы; она громко взываетъ къ *неправосудію* и *насилію*, впазываетъ съ сими адскими изчадіями въ сердца Спаршанцевъ и заставляетъ ихъ клясться предъ олтарями — не полагать оружія до тѣхъ поръ, покуда не покорятъ они Мессинянъ. (*)

Е. Филолаевъ-тскій.

(*) Баршелеми для меня есть одинъ изъ неподражаемыхъ писателей: переводя какой нибудь отрывокъ его — надобно употребить всѣ усилія ума,

Гробницы.

(Изъ Сен-Піера.)

Гробница есть памятникъ поставлен-
ный на предѣлахъ двухъ міровъ. При пер-
вомъ взглядѣ представляеть намъ она ко-
нецъ суетныхъ безпокойствъ жизни и об-
разъ вѣчнаго покоя; потомъ возбуждаеть

всѣ способы языка, всю осторожность; а онъ на-
писалъ семь книгъ, — и вездѣ одинако — пре-
красно. Ешьли, какъ говорятъ, и сорокъ лѣтъ
стоилъ ему Анахарсисъ; то еще не много. Разсуж-
далъ о самыхъ ошвлеченныхъ предмѣтахъ Филосо-
фіи — онъ не перестаетъ быть липераторомъ;
при описаніи искусствъ — музыки, живописи,
скульптуры во всей ихъ виѣшней подробности, —
въ немъ виденъ и философъ, и Эстепикъ. Въ
повѣствованіяхъ онъ до удивленія простъ и
для всѣхъ понятенъ; но это ему не мѣшаетъ
разстрогаться и провѣсть вдругъ разительно
живописную черту. Къ сожалѣнію почти не помню
онъ въ нашихъ переводахъ: по нимъ у насъ
едва ли не безпогрѣшительно можно опредѣлить, —
какою наукою занимался особенно переводчикъ и
каковъ былъ одностороненъ въ сужденіи перево-
дчикомъ имъ мѣсто не по его части.

ф—ій.

въ насъ чувство щастливаго безсмертія, — коего вѣроятность увеличивается по мѣрѣ того, какъ велика была добродѣтели намъ ею напоминаемаго: пусть утверждается наше почитаніе. . . .

По сему разумному побужденію къ добродѣтели гробницы великихъ людей внушаютъ намъ поλικое благоговѣніе. Отъ того же самага гробницы, заключающія въ себѣ предмѣты нѣкогда намъ любезные, возбуждаютъ въ насъ такое сожалѣніе. Что насъ трогаетъ при видѣ холмика скрывающаго прахъ милаго дитяи? Память его невинности. Что столько разстрогиваетъ насъ при видѣ могилы, въ которой покоится юная жена — любовь и надежда своего семейства? Ея добродѣтели. Чтобы сдѣлать сіи памятники достойными почтенія; для сего не нужны ни мраморы, ни бронза, ни позолота: чѣмъ они простѣе, тѣмъ больше придають живости томному чувству... Особенно въ деревнѣ сильнѣе ощущаешь ихъ впечатлѣнія. Нерѣдко простая могила заставляетъ пролить болѣе слезъ, чѣмъ всѣ катафалки въ соборахъ. Тамъ горестъ бываетъ во всей своей

изящности: она возвышается съ древними писами кладбищъ; она простирается съ окрестными равнинами и холмами; она соединяется со всѣми дѣйствіями природы— съ восходомъ зари, съ шумомъ вѣтровъ, съ заходомъ солнца и съ мраками ночи. Самыя грубыя занятія и самый низкій жребій не могутъ изгладить сего впечатлѣнія изъ самыхъ несчастныхъ сердецъ.

Г. III.

III. ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ.

ЮСТИНЪ,

или добрый братъ.

(Окончаніе.)

Здѣсь остановился Юстинъ; онъ восклицалъ и не могъ удерживаться. Но одной минуты ему было довольно, чтобы скрѣпиться, — и продолжать:

„Не знаю, что происходило вокругъ меня въ тотъ первый день. Помню только,

что меня хотѣли вывести изъ покоя, гдѣ умерла мать моя; но я столь сильно ухватился за ножку кровати, что меня никакъ не могли оторвать и оставили шутъ. На другой уже день я пробудился изъ какого-то усыпленія, въ которое былъ погруженъ, — и по тогда только, когда четверо людей пришли вынести, что я любилъ всего больше на свѣтѣ, и чего долженъ былъ уже больше не видашь! Я слѣдовалъ за ними изпуская жалостный вопль; Юлія шла подлѣ меня. Церемонія была не большая; попому что мы — были бѣдные люди. — Насъ оставили на могилѣ нашей матери не заботясь, что съ нами будетъ. Мы шутъ пробыли весь остатокъ дня; ввечеру поцѣдовалъ я землю на могилѣ, взявъ Юлію за руку и пошли на постоялой дворъ. Дворникъ, увидя насъ, спросилъ: хотимъ ли мы еще у него останавливаться, — или то онъ только и пошлетъ, что уже для насъ поспрашилъ? — Я вѣжливо ему ошвѣчалъ, что все будетъ уплачено — и онъ позволилъ намъ войти. Наутро развязалъ я въ самомъ дѣлѣ свои

котомки и нашель деньги приготовленныя для нашего нуши, — размятилъ съ хозяиномъ и со всѣми, кто давалъ намъ что нибудь. Чрезъ сей поступокъ очень естественный приобрѣли мы однакожь друзей, — и когда узнали, что у насъ ничего уже больше не осталось; то начали сожалѣть и предлагали намъ даже пособія. Но я отказался, довольно поблагодаривъ ихъ и прибавя: что съ охотою принялъ бы пособіе, если бы оно было плата за мой какой нибудь трудъ.

„Увидѣвши, что нѣтъ уже больше въ мірѣ для меня руководителя, — я началъ размышлять: за что мнѣ взяться? Нельзя было и подумать, чтобы безъ денегъ возвратиться на свою сторону; да и чего тамъ надѣяться намъ? Нечего! Не было такъ же возможности пойти и къ оцѣ своему: кто зналъ, былъ ли онъ еще живъ? — Но я тотчасъ рѣшился и рѣшимость сія состояла въ томъ, чтобы искать мнѣ занятій по своему возрасту или въ сей деревнѣ, или по близости къ ней. Чѣмъ же могъ я заняться? Мнѣ было еще только двенадцать, а Юліѣ семь

лѣшь; давши же клятву моей матери, положилъ я ни подъ какимъ видомъ не оставлять сестры своей. Конечно, бывъ одинъ, я очень бы мало беспокоился: одна голова не бѣдна, — могъ бы я пойти въ матросы, записаться барабанщикомъ въ какойнибудь полкъ, или отдаться мастеровому въ ученіе на все время дѣйства моего. Но бѣдненькая Юлія? . . .

„Священникъ той деревни, видя нашу нужду, хотѣлъ пособить тому и сказалъ, — что онъ имѣетъ случай помѣстить сестру мою въ одинъ домъ *призрѣнія ближнихъ* и что ей тамъ будетъ хорошо. Но я отвѣчалъ ему: что до тѣхъ поръ не пойдетъ сестра моя въ домъ *призрѣнія*, пока не будетъ совсѣмъ надежды—здѣлать это иначе. Онъ меня бранилъ за упрямство и представлялъ, — что я еще молодъ, дабы такъ самовольничать; а между тѣмъ не преславалъ брать участіе въ насъ и я видѣлъ, что упрямство, — за которое онъ бранилъ меня, — ни чуть ему не не нравилось. Наконецъ сей Священникъ далъ обѣщаніе — поискать въ окрестности мѣста у добрыхъ людей, кои дѣло имѣли бы и

согласились изъ человѣколюбія обременить себя двумя дѣшми для ихъ пропитанія.

„Извините, сударь, мою нескромность, если я осмѣлился сказать о себѣ нѣчто хорошаго; мое поведеніе точно имѣло щастіе быть одобрено и снискало мнѣ покровителей. На другой онъ сего день Г. Священникъ отвелъ меня къ одному доброму и старому коршомщику; тутъ-то и былъ я принять пастисьадо его очень небольшое и дѣлать, что не превышало мои силы. Онъ согласился, чтобъ и Юлія осталась со мною помогая мнѣ столько, сколько дѣла сможешь.

„И вотъ я уже въ чужомъ домѣ; но Богъ не оставилъ меня: онъ мнѣ послалъ человѣка праводушнаго и благодѣтельнаго, — мнѣ стоило только исполнять свои обязанности, чтобъ заслужить его ласки. Что и случилось: добрый шарикъ здѣлалъ меня своимъ другомъ; а примѣшя, что я не много умѣю писать и щитать, онъ поручилъ мнѣ вести свои щоты и порядкъ въ бумагахъ. Ошселъ моя участь спала совершенно благополучна. За выполненіемъ должностей мнѣ осшавалось еще

премя учить сестру свою, чему самъ умѣлъ — и я строго берегся, что бы не опустить ея воспитанія. Часто поминалъ я, что говорила намъ мать наша: добродѣтель только и знанія суть шѣ вещи, кои благородно опличаютъ насъ между людьми. Должно отдашь справедливость и Юліѣ: она пособляла мнѣ изъ всей возможности и того только не выучивала, что превышало ея понятія, — того только не исполняла, чего не смогли ея силы. При всей малолѣтности она чувствовала наше положеніе и знала, чѣмъ обязаны мы своему благодѣтелю. Бывало почти цѣлый день видишь ее у дѣла: то вяжешь чулки для нашего добраго кортомщика; то вышелушиваетъ горохъ, или турецкіе бобы; то другимъ какимъ нибудь образомъ дѣлается полезною. А отъ того мы имѣли радость говорить, что никогда не можно было укорить насъ за хлѣбъ нами снѣдаемый.

„Симъ щастіемъ наслаждались мы однакожь только два года; Богъ, низпославши намъ его, положилъ и предѣлъ ему: престарѣлый кортомщикъ скончался и мы еще разъ

остались сиротами. — Такъ какъ въ деревнѣ знали насъ уже; то можетъ быть мы нашли бы тамъ другое прибѣжище. Но извѣстїе, до насъ дошедшее, заставило переимѣнить наше намѣренїе: одинъ путешественникъ, знавшій нѣкогда отца нашего, уведомилъ насъ, — что онъ отъ раны полученной имъ не умеръ, а удалился въ одно мѣстечко — которое и наименовалъ намъ. А поелику путешественникъ зналъ объ этомъ самъ только по слуху; то и не могъ описать намъ состоянїя отца нашего. Да намъ не больше и нужно было, какъ знать, — гдѣ найти его; — попомъ ищи и исполнишь долгъ свой. Я поговорилъ о семъ съ Юліею, которая сама начала уже судить о своихъ поступкахъ, — и какъ мы были люди вольные, имѣли не много денегъ — плодъ труда нашего и благодѣяній покойнаго кормщика; то можно намъ было пуститься въ сей путь, — и мы тотчасъ отправились въ дорогу.

„Вотъ уже четьре дни, какъ мы идемъ. Когда Юлія почувствуетъ усталость въ слабыхъ еще ногахъ своихъ;

мы отдыхаемъ по шамъ, по инде. А въ опотъ вечеръ надѣмся прибыть въ то мѣстечко, — гдѣ, какъ сказали намъ, живеть отецъ нашъ. Мы не знаемъ, какъ онъ насъ приметъ; но, благодаря Бога, исполнимъ долгъ свой. Естли онъ простретъ къ намъ руки, — мы будемъ его дѣшми; естлижъ опринетъ насъ, — то все-таки не меньше будетъ онъ нашимъ отцомъ. А можеть ему еще и нужда въ насъ есть! — Но и то для насъ щастіе, что мы найдемъ его; — во всякомъ случаѣ не величайшее ли удовольствіе — видѣть виновника нашей жизни и исполнить то, что повелѣваетъ намъ вѣра и природа?

„Вотъ все, сударь, прибавилъ Юстинъ, — о чемъ я могъ имѣть щастіе донести вамъ, и что одно ваше снисхожденіе заставило васъ выслушать. — „

Г. де Бомонъ поблагодарилъ его за повѣствованіе. — Дитя мое, сказалъ онъ пошрепавъ нѣжно по плечу Юстина, — съ твоими чувствами и обхожденіемъ вездѣ находятъ себѣ друзей: хочешь ли ты быть моимъ другомъ? — О! нѣтъ сударь, —

смутясь отъ сей неожиданной пріязни отвѣчала Юстинъ, — я и думаю не смѣю объ этой чести. Но еслили вамъ угодно будетъ удостоить насъ своимъ покровительствомъ; то мы почтемъ себя счастливейшими изъ людей. — Хорошо! я вижу, что вы принимаете мою дружбу. Не хочу васъ удерживать сегодня; вы горите желаніемъ увидѣть отца своего — и ни что не можетъ быть сего справедливѣе. Но такъ какъ отъсель не больше пяти, или шести миль до деревни, куда вы идете; то и пребуду обѣщанія, что возвратитесь ко мнѣ чрезъ два или три дни. Тогда узнаемъ мы, что съ вами случится. Вотъ какъ рѣшено, — не такъ ли? А покуда, чтобъ намъ короче познакомиться, — войдемъ-те ко мнѣ завтракать. — Нашъ завтракъ уже кончился, сударь. — Знаю; но въ нашемъ возрастѣ всегда бываетъ добрый аппетитъ и этакъ первый вашъ завтракъ, какимъ я видѣлъ его, вѣрно не будетъ большимъ противникомъ другому. —

Дѣти не смѣли отговориться; взяли свои маленькія котомки и пошли съ Г.

де Бомонъ. Онъ, удержавъ ихъ у себя на нѣсколько минутъ, всё вниманіе свое устремилъ на то, — чтобы испытать ихъ со всѣхъ сторонъ и узнать, точно ли они достойны того щастія, которое предположилъ онъ для нихъ здѣлать? — Г. де Бомонъ былъ богатъ и почиталъ величайшимъ удовольствіемъ дѣлать щастливыми тѣхъ, кои оказывались того стоящими. Примѣченная имъ въ Юстинѣ честность, искренность и другія добрыя свойства расположили его сердце къ сему молодому человѣку; попеченія, какія сей оказывалъ сестирѣ своей, — должныствовали быть поддержаны. Ибо кто помогаетъ честнымъ людямъ; тотъ дѣлаешь тѣмъ больше добра, что даетъ и симъ возможность — помогать другимъ въ свою очередь.

При концѣ завтрака Г. де Бомонъ предложилъ свой кошелекъ молодому человѣку со всею оспорожностію, какую только чувствительный человѣкъ умѣетъ употребить въ обхожденіи съ несчастными. Юстинъ вспыхнулъ, пробормоталъ благодарность и прибавилъ: что у него

есть еще довольно денег нужных для путешествія ихъ. Г. де Бомонъ не настоялъ больше; но до глубины сердца былъ пронутъ симъ отказомъ: онъ увидѣлъ изъ сего, что душа молодого чело-вѣка точно такъ благородна, какъ сперва думалъ о ней. Онъ поцѣловалъ въ лобъ малюшку Юлію, потрепалъ ее по ще-кѣ въ знакъ дружбы; пожалъ у Юстина руку, который почтительно уклонился; повспорилъ обоимъ обѣщаніе возвратить-ся къ нему чрезъ два или три дни, — и пожелалъ имъ щастливаго пути.

Юстинъ въ самомъ дѣлѣ пришелъ спустя три дни: радость сіяла на лицѣ его и можно было догадаться, что онъ пришелъ извѣстить Г. де Бомонъ о чомъ нибудь приятномъ. — Мы нашли, сударь, отца своего, — онъ прижалъ насъ къ своему сердцу, плакалъ вмѣстѣ съ нами и, слава Богу! совсѣмъ уже не шаковъ, какъ былъ нѣкогда. Ошныиѣ мы совер-шенно щастливы. Вы сами его, сударь, видѣли и, можете ли представлять? спа-рикъ на деревянной ногѣ шедшій по до-рогѣ мимо насъ — былъ онъ самъ! —

Которому подашь ты пить? — Точно такъ, сударь. — Ну — такъ наслаждайся же, молодой человѣкъ, удовольствіемъ здѣлавши это доброе дѣло: ты помогъ въ нуждѣ отцу твоему; — и подумай о томъ мученіи, которое бы терпѣлъ ты теперь, — еслибы столь былъ жестокъ, что отказалъ. . . . — О! сударь, прерывалъ Юстинъ, — я умеръ бы съ печали!—

Потомъ молодой человѣкъ разказалъ, — что отецъ его имѣетъ маленькую пенсію, выдаваемую отъ правительства раненымъ воинамъ; но что эта пенсія недостаточна для его жизни. — Ему еще надобно трудиться, прибавилъ онъ, — и это меня печалило. Но если Богъ благоволилъ, то — по прошествіи двухъ, или трехъ лѣтъ — я въ состояніи буду доставить покой его старости И, — потомъ продолжалъ онъ понизя голосъ и смотря себѣ на руки, которые вертели шляпу, — вы мнѣ предложили, сударь, ваше покровительство и я увѣренъ, что если только найдется какое нибудь прибыльное занятіе — обратитесь на меня свое вниманіе изъ милости къ

нашему бѣдному отцу. — Безъ сомнѣнїя, мой другъ! А для начала — посмотримъ, каково ты пишешь. — Юстинъ повиновался. Г. де Бомонъ показалъ, будто почеркъ его гораздо лучше, нежели каковъ онъ былъ въ самомъ дѣлѣ. — Ты пишешь довольно хорошо, сказалъ онъ; и тебѣ надобно еще взять только нѣсколько уроковъ. Я приму тебя къ себѣ писмоводителемъ, коль скоро получу свѣденїя и узнаю, каково ты умѣешь щипать, — въ этомъ мнѣ большая нужда. Чпожъ касается до твоего отца; то, еслии онъ захочетъ, я дамъ ему не-большой откупъ земли на условїяхъ для него выгодныхъ; это доставить ему приятную жизнь, коли только перемѣнился онъ въ самомъ дѣлѣ, какъ ты говорилъ мнѣ. Сестра твоя останется при немъ — и я дамъ тебѣ два часа въ день, чтобы ты кончилъ ея воспитанїе.

Юстинъ, видъ себя отъ радости, хотѣлъ броситься въ ноги Г. де Бомонъ; но сей остановилъ его. — Я очень знаю, другъ мой, чувства признательности твоей; благодарить однакожъ ты долженъ одного Бога. Ибо еслии бы онъ не надѣлилъ

тебя сердцемъ честнаго мальчика; то повѣрь, что ты никогда и на мысль не-пришелъ бы мнѣ. Подиже къ твоимъ роднымъ; повтори имъ, что ты слышала и приходи найди во мнѣ своего друга. — Юстинъ потчасъ ушелъ, — и на третій день вся семья предстала Г-ну де Бомонъ.

Этотъ благодѣтельный человѣкъ все исполнилъ, что ни обѣщалъ, и даже больше для нихъ дѣлалъ: онъ, держа при себѣ Юстина нѣсколько лѣтъ, далъ ему отличное воспитаніе и опредѣлилъ къ довольно прибыльному мѣсту; Юлію выдалъ замужъ за хорошаго арендатора въ окрестности, — и видѣлъ, какъ старой отставной умеръ спокойно въ своей арендѣ — благословляя дѣтей и благодѣтеля своего.

Когда Юстинъ изъяснялъ свою благодарность; то Г. де Бомонъ сказалъ ему: — Я самъ долженъ радоваться, дитя мое; пошому что многіе дѣлають то же, что я — и не получаютъ моего удовольствія, благодѣтельствуя не такъ удачно. Вспомни, какъ путникъ, котораго ты не знала еще — сказалъ: что Богъ бла-

гословить тебя и что ты стоишь бышь
щастливымъ; — вотъ это — то слово раз-
положило къ тебѣ мое сердце! Будь все-
гда таковъ — и всегда будешь находить въ
комъ ниесть благодѣющаго тебѣ друга. —

Съ Франц. Е. Филомавитскій.

IV. СТИХОТВОРЕНІЯ.

*Графу Сергѣю Михайловичу
Каменскому. (*)*

Не гибельная жажда славы —
При звукѣ грома мѣдныхъ жерлъ,

(*) Издатели имѣли честь получить списки оиъ онѣ
Его Сіятельства Графа Сергѣя Михайловича Ка-
менскаго при слѣдующемъ своеручномъ письмѣ:

„Получивъ на сихъ дняхъ съ почтой изъ Москвы
опѣ неизвѣстнаго списки безъ подписи и пись-
ма — и не зная кто Авторъ; а желая изъяс-
нить ему за оныя душевную мою признатель-
ность, я почелъ за лучшее — сіи списки пра-
вороводить въ оригиналѣ къ вамъ, Мил. Госу-
дари мои! и просить, дабы напечатали вы ихъ

Не въ полѣ ратномъ бой кровавый,
Не свистъ и шумъ каленыхъ шпрѣлъ
Предмѣтъ восторга и бряцанья
Цѣвницы робкой и простой
Пѣвца, забытаго судьбой; —
Но красоты благодѣянья
И мирны, добрыя дѣла
Вельможи благотворца нрава:
Въ нихъ честь, безсмертье, слава!
Имъ, имъ моя хвала!



въ Украинскомъ Вѣспникѣ, буде шо можно; чѣмъ
премного обязашъ соизволивше того, который
имѣетъ честь быть и проч. . . . “

Издашели съ своей стороны присемъ долгомъ
поспавляющъ свидѣтельствовать благодарность
Его Сіятельству, удостоившему ихъ Журналъ
своей довѣренности; а вмѣстѣ съ симъ и чув-
ство неслестной похвалы нежвѣстному — не
спокоющему бытъ извѣстнымъ стихотворцу, ко-
шорый умѣетъ чинитъ достоинства нашихъ Вель-
можъ-благотворителей, который посвящаетъ
имъ звуки лиры своей. Они полагають, что
на Сочинителѣ сихъ стиховъ сбудуся сіи слова:
опъ идущихъ — слава вѣжитъ; а удаляющихся
опъ медъ до скромности — она сама преслѣдуешь.

Слети, Богиня вдохновенья,
Въ блистаньи истинны святой
Ко мнѣ отъ горняго селенья, —
Будь вождь, и щить, и геній мой!
Склонися лиры надъ струнами,
Дай жизнь и огонь моимъ спихамъ —
Въ урокъ надменнымъ богачамъ
Съ презрѣнно - хладными сердцами!
Ихъ Богъ — сокровища земли;
Ихъ долгъ — однѣмъ страстямъ служенье;
Удѣлъ — отъ правоты презрѣнъ
И жизнь — въ златорной пыли!

*

Боляринъ Рускій, знаменитый, —
Вельможа шитломъ и душой,
Во брани лаврами покрытый,
Краса — любовь страны родной!
Къ тебѣ души моеи стремленье! —
Сложивъ броню и шлемъ войны,
Среди всеобщей тишины
Твоя стезя — благотворенье;
Какъ солнечный весенній свѣтъ
Даепъ природѣ жизнь и силу:
Такъ ты льешь радость въ грудь унылу
Безмолвной жертвы бѣдъ.

*

Твой домъ, украшенный богато,
Гостямъ - согражданамъ открытъ:
Тамъ Терпсихора и Эрато
Съ подругой Таліей гостить;
Хозяинъ, ласковый душою,
Склоняешь къ нимъ привѣтный взоръ; —
Звучить музыка, громкій хоръ, —
Стеклись зрители толпою —
Богачъ, бѣднякъ въ единый сонмъ;
Имъ улыбается веселье,
Пишаетъ разумъ поученье:
Ишши добра путемъ.

*

Не правъ, не правъ мудрецъ холодный,
Бѣгущій дружбы Пѣридь,
Забавъ невинныхъ врагъ виновный! —
Онъ въ ослѣпленіи не зрѣтъ
Ихъ пользы, дѣйствія на нравы,
Онъ не ревнивъ къ дѣламъ благимъ; —
Но ты, усердный другъ богинь,
Не ненавистникъ и забавы, —
Черезъ нихъ привлечь къ себѣ сердца:
А благотворности дѣлами —
Возблещешь нѣкогда лучами
Безсмертія вѣнца! —

*

Щасливъ, кому дано Судьбами
Небезызвѣстнымъ въ мѣрѣ бытъ, —
Блестать и чиномъ, и звѣдами,
И всѣхъ богатствами дивить;
Но кто и дары благодатны —
И доброту душевныхъ силъ
Въ удѣлъ отъ Неба получилъ,
Въ чемъ сердцѣ стоны бѣдныхъ внятны,
Кто съ ложа пышнаго встаетъ —
И несчастливца призываетъ:
„Пей радость жизни! — онъ вѣщаетъ —
При мнѣ — печали нѣтъ!“,

*

Надъ нимъ десница Провидѣнья, —
Оно ему и вождь, и щипъ;
Онъ ходитъ по цвѣтамъ веселя —
И скука отъ него бѣжитъ!
Какъ токъ струистый и прозрачный —
Роскошна дола красота, —
Душа спокойна въ немъ, чиста:
Ни любочестья думы мрачны,
Ни лести раболѣпный взглядъ,
Ни гордости открышый хохотъ,
Ни зависти украдкой шопотъ
Ее не возмущаетъ! —

*

Идижь, Каменскій, благъ дорогой, —
 Твоимъ щедрошамъ нѣтъ препонъ!
 Любимцевъ щастія — не много,
 Страдальцевъ въ свѣтѣ — миллионъ!
 Дѣли дни жизни благотворны,
 Какъ нынѣ, вѣчно пополамъ:
 Единъ — на помощь сиротамъ;
 Другій — на пиршества отборны!
 Что наша жизнь? мгновенный цвѣтъ!
 Но мы божественною силой
 Добра — жить можемъ за могилой,
 Въ потомствѣ позднихъ лѣтъ! —

*

Къ Валгію.

(Горац. кн. II. ода 9-я).

Non semper imbres nubibus hispidos etc.

Не все дожди изъ облакъ льются
 Въ поля на колосистый плодъ;
 Не все Каспійски волны бьются
 Отъ премѣняемыхъ погодъ; —
 Не круглый годъ, другъ Валгій, льдами
 Вода Армянъ покрыта спитъ, —

Иль дубъ Гарганскій гнеть вѣтрами,
И съ ясеня валился листь:

А ты все слезы льешь, все пишешь
Стихи, — что Мистъ твой похищенъ;
Любовью въ вечеру лишь дышешь
И въ утро, солнцемъ озаренъ! —

Но Несторъ не весь вѣкъ въ печали
По миломъ Аншилохѣ жилъ;
Иль мать, отецъ, сестры рыдали
Не все, — какъ палъ младый Троиль.

Престань и ты роптать жалѣя; —
А лучше воспоемъ со мной
О новыхъ Августа профеякъ:

Что съ меньшею ужъ быстриной

Евфратъ и Нифатъ протекають,
Къ побѣдамъ вновь приобщены;
И что Гелоны разѣбжжаютъ
Въ предѣлахъ, — кои имъ даны! —

Е. Филомавитскій.

Мосхова Идиллія.

Когда — средь тишины приятной, без-
мятежной —
Поверхность водъ едва зефиры шевелятъ;

Любуюсь моремъ я, смотря съ скалы при-
брежной —

И музы милыя тогда ужъ не маняшь;
И боязливый духъ мой бодростью жи-
вится,

Въ необозримую морскую даль стремится.
Когда же съ яростью дохнешъ свирѣпый
вѣтръ

И море закипитъ, подъявъ съдой хребетъ;
Объемлеть страхъ меня, невольно со-
дрогаюсь, —

Съ шрепещущей душой отъ моря удаляюсь
Къ вамъ, рощи мирныя, обитель тишины, —
Жилища радостны прекрасны весны!
Люблю безпечный доль и говоръ соснъ
зеленыхъ! —

Несчастливъ, что живешь морей средь
шреволненныхъ, —

Кому ладья есть — домъ, небесный сводъ —
покровъ,

Всегдашнѣ труды — рыбъ ненадежный
ловъ!

А я подъ яворомъ возлягу сѣнноли-
стымъ,

Склоню спокойно слухъ къ потокамъ пи-
химъ, чистымъ, —

Текущимъ близъ него; ихъ сладокъ шумъ,
какъ онъ
Склоняешь пастуховъ въ невозмущенный
сонъ!

Съ Греческаго П. Куницкѣй.

Петраркинъ Сонетъ.

In qual parte del cielo in quale idea etc.

Гдѣ образъ милой взять мой, — въ
какихъ странахъ?
Съ какого ошлела природа идеала
Прелестное лице? — Такъ, имъ она желала
Явить намъ на землѣ, что можешь въ не-
бесахъ!

Какая Нимфа, гдѣ, — въ лѣсу, иль на
водахъ
Столь нѣжные власы по вѣтру разпу-
скала?
Чья, чья душа добрей когда нибудь бы-
вала?
Хоть каждый взглядъ ея — косы сѣкущей
махъ!

Тому и помечтать не можно о пре-
красномъ ,
Кто не видалъ еще моей любезной глазъ,—
Ахъ, какъ поводитъ ихъ она въ огнѣ опа-
* сномъ! —
Не знаетъ онъ еще, какъ изцѣляетъ насъ
И какъ язвитъ любовь въ усмѣшкѣ, вздо-
хѣ страстномъ, —
Коль въ слухъ ему ея рѣчь сладка не ли-
лась! —

Съ Италіян. Г—ій.

Къ Другу при разлукѣ.

Не долго съ тобой намъ бесѣдовать,
другъ мой.
Разлука, помедли два сердца разить!
Нещасный! къ кому, ахъ, къ кому я при-
бѣгну?
Съ кѣмъ горе свое мнѣ дѣлить?
Недолго, мой милый . . . и въ шумную
столицу,
Какъ въ море водъ капля, опустишься ты;
И что замѣнишь мнѣ твою откровенность,
Любезный, незлобный твой нравъ?

Ахъ, что замѣнишь мнѣ невинныя шушки?
Ты ихъ безъ обиды другимъ разточаль.

Ахъ, что замѣнишь мнѣ твое посюсторонство,
Полезны совѣты твои?

Почувствуй, чего я съ тобою лишаюсь,—
Спокойствія духа, полжизни моей!

Но будешь ли ими и ты наслаждаться,
Коль тамъ ты забудешь меня?—

Вотъ скоро воскреснетъ съ весною
природа;

Но мнѣ уже болѣе не рвать ея розъ:
Сорву незабудку — и съ сердцемъ унылымъ
Лишь слезы домой побреду.

Прости не забвенный, и помни о другѣ.
Пусть счастьемъ мы розны, — но сердцемъ
одни;

Хоть, правда, удѣлъ мой — грустишь и
томишься—

А ты веселишься рожденъ.

Будь щастливъ; но помни, что есть
и несчастны.

Щади ихъ, о другъ мой, будь ласковъ ко
всѣмъ;

Люби для меня ихъ — лишь симъ ты
разлуку

Несносную мнѣ облѣгчишь.

Райдоровскій.

П. Г. Т — ву.

(При доставленіи ему прекраснаго Стихотворенія Г. Жуковскаго: *Пѣвецъ во станѣ Рускихъ воиновъ.*)

Умолкъ повсюду бранный громъ,
Ликъ солнца прояснился; —
Съ веселымъ, блещущимъ челомъ
Миръ кроткій къ намъ спустился.
Подъ скиптромъ добраго ЦАРЯ,
Предшеча дней блаженныхъ,
Явилась тишины заря
По буряхъ укрощенныхъ.
Низвергся, палъ Наполеонъ;
Европа отдохнула,
Умолкъ вездѣ несчастныхъ стонъ
И радость воспрянула!

*

Но подвигъ доблестныхъ вождей —
Россійскія ограды —
Вѣкъ будетъ жить въ сердцахъ людей,
И окажутъ поздни чады,
Изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ:
„Хвала пишомцамъ славы!
„Ихъ острый мечъ нашъ плѣнь разбѣлъ.
„Они лишь въ бой кровавый

„Рѣкой на встрѣчу потекли
„Врагу, издадью злобы, —
„И рабство прочь съ лица земли,
„И злость сокрылась въ гробы!

✱

Другъ сердца! и швоя рука
Враговъ разила въ брани:
Ты удостоился вѣнка
Заслугамъ должной дани.
Покойся послѣ грозныхъ бурь
Въ объятіяхъ подруги!
Да вѣчно чистая лазурь
Твоя, швоей супруги
Щастливы осѣняетъ дни;
Да радости земныя
Во весь вашъ вѣкъ несутъ одни
Съ собой часы златыя.

✱

А я въ вашъ сельскій, мирный кровъ —
Жилище ласкъ привѣта,
Несу стихи, — плоды трудовъ
Любимаго Поэта.
О естлибъ я, какъ онъ, владѣлъ
Симъ даромъ благодатнымъ, —
На лирѣбъ звучной возгремѣлъ
Царю вождамъ и ратнымъ!

Или бь оставя громкѣй строй ,
Смягча перуны тоны ,
Волшебной, легкою рукой
Взыгралъ любви законы :

✱

Воспѣлъ бы тишину полей ,
Покой и мирну радость ;
Любезно общество друзей
И дружбы вѣрной сладость .
Я музъ и Грацій бы манилъ
Къ себѣ попеременно ;
И слухъ, и сердце бы плѣнилъ
Мой гласъ уединенной .
Но мой ничтожный, слабый даръ
Не сотворенъ для свѣта, —
И сердце изливаетъ жаръ
Лишь дружбою нагрѣто .

Орестъ Соловь.

ЭПИГРАММЫ.

1.

Миршилъ, цѣлуя нѣжну Хлою,
Сказалъ: какъ щастливъ я тобою!
Ни кѣмъ такъ страстенъ не бывалъ! —
Обманщикъ! Флора вдругъ вскричала,
Котора въ рощицѣ гуляла, —
Меня ты въ томъ же увѣрялъ! —

2.

„Тотъ бѣденъ, говорящъ, въ семь мѣрѣ,—
Кто здѣсь живетъ не для друзей.“
Держась системы сей,
Клеонъ женился на Эльвирѣ.

3.

„Вотъ здѣсь, братъ, есть и ты!“ Прав-
динъ сказалъ Болтаю,
Держа какой-то онъ печальный листъ въ
рукахъ;

„Да гдѣ? А! знаю, знаю:
Смотрѣть спашью О дуракахъ.“

Егоръ Акимовъ

Полтава.

V. ХАРЬКОВСКІЯ ЗАПИСКИ.

*Харьковское Общество
Благотворенія.*

(Продолженіе).

Многіе помѣщики здѣшней и сосѣдственныхъ Губерній относятся къ намъ, желая имѣть обстоятельное свѣдѣніе объ Институтѣ для воспитанія дѣвицъ здѣсь основанномъ: какіе преподаются въ немъ науки и на какомъ положеніи принимаются тамъ пансіонерки? — Для сего мы помѣщаемъ содержаніе Устава Институтскаго, которой скоро выдетъ изъ печати.

I. Институтъ сей учрежденъ для воспитанія дѣвицъ, изъ благородныхъ фамилій, по бѣдности своей лишенныхъ способовъ къ полученію образованія приличнаго ихъ званію. 20 таковыхъ дѣвицъ содержатся на всемъ иждивеніи Общества Благотворенія до замужества ихъ, — или, по полученіи достаточнаго образованія, до выпуска въ дома богатыхъ помѣщиковъ для обученія дочерей ихъ.

II. Всѣ главные распоряженія въ ономъ дѣлаются Совѣтомъ Общества; а управленіе Института въ частности зависитъ непосредственно отъ Главной Начальницы избираемой Обществомъ, которая также есть и Членъ Совѣта. Она получаетъ сумму на содержаніе Института, распоряжается ею по шпату и что останется отъ оной, по окончаніи года возноситъ въ Совѣтъ. Опредѣленіе и увольненіе чиновъ внутри Института дѣлается Совѣтомъ по ея представленію.

III. При приемѣ дѣвицъ преимущественно обращается вниманіе на бѣдность; для чего должно быть удостовѣреніе отъ Корреспондента Общества, или Предводителя Дворянства того уѣзда, откуда дѣвица; также и свидѣтельство Доктора о здоровомъ ея сложеніи. Представляемая дѣвица должна быть не моложе 7 и не старѣе 12 лѣтъ отъ роду. Если бы случилось — что таковая воспитанница оказалась лишенною понятій и дарованій отъ природы; то — дабы не трагитъ напрасно содержанія и усилій къ ея образованію — она, по совершеніи

въ томъ удостовѣреніи, возвращается обратно къ поручившимъ ее.

IV. Чтобъ сіе заведеніе здѣлать болѣе общественнымъ, то принимаются въ оное и пансіонерки во всякое время года. Онѣ пользуются всѣмъ содержаніемъ и ученіемъ въ Институтѣ такъ же, какъ и воспитанницы Общества. Онѣ приносятъ съ собою бѣлье, платье зимнее и лѣтнее, обувь, постѣль, книги, карандаши и все потребное для ученія рукодѣльямъ; сверхъ сего серебряную ложку, ножи, шесть салфетокъ и проч. по разсмотрѣнію ихъ родителей — что все вписывается обстоятельно въ шнуровую книгу и при выходѣ пансіонерки изъ Института, возвращается ей прошивъ здѣланной записки. — За каждую пансіонерку платится въ годъ *двѣсти пятьдесятъ* рублей, вносятся деньги впередъ за треть, полгода и за весь годъ по условію; но всегда щитая годъ отъ 1го Генваря. А потому и начало сихъ третей будетъ постоянно въ Генварѣ, Маѣ и Сенябрѣ, на примѣръ: если бы пансіонерка вступала въ Институтъ въ Мартѣ мѣсяцѣ и родственники ея же-

лали платишь по претямъ; въ такомъ случаѣ вносятся деньги слѣдующіе по ращоту изъ 250 руб. до 1-го Маія и такъ же съ того числа до 1-го Сентября. По сему же разположенію вносятся деньги за полгода, или и за годъ. Пансіонерки желающіе имѣть при себѣ служанку, платятъ сверхъ всего за содержаніе оной 50 руб.; а если захотятъ чтобъ она обучалась и руководѣлять, прибавляютъ еще 70 руб. въ годъ.

За полупансіонеровъ, или дѣвицъ пользующихся только ученіемъ, не назначается постоянная цѣна; но опредѣляется особенно, смотря по состоянію каждой. Желающаяжъ имѣть кромѣ ученія и обѣденный столъ, платитъ сверхъ того 100 руб. въ годъ. Дѣвицамъ, коихъ сами родители находятся въ бѣдности, Совѣтъ получивъ въ томъ несомнительное удовольствіе, позволяетъ приходить въ Институтъ для ученія безъ всякой платы.

Примѣчаніе: Пансіонерки и полупансіонерки могутъ быть и изъ купеческаго званія, кромѣ мѣщанокъ и крестьянокъ.

При опредѣленіи пансіонерки и полу-пансіонерки, представляется свидѣтельство о званіи ея родителей, удостовѣреніе отъ доктора, что она не имѣетъ ни какой внутренней, ни прилипчивой болѣзни и что оспа на ней была, или не была.

V. При обученіи дѣвицъ въ Институтѣ, первое попеченіе состоитъ въ томъ, — дабы заблаговременно посѣять и вкоренить въ сердца ихъ благоговѣніе къ Вѣрѣ: шо есть: безпрекословное почитаніе и исполненіе Христіанскаго благочестія. Законъ Божій преподается духовною особою, по ученію и нравственности извѣстною въ городѣ; сей же самый наставникъ показываетъ имъ и общія должности человека, а въ особенности женскаго пола во всѣхъ его отношеніяхъ. Уставленные правилами утреннія и обыкновенныя вечернія молитвы читаются ежедневно дѣвицею всегда въ присутствіи Смолришельницы, съ должнымъ благоговѣніемъ и строгимъ порядкомъ. Въ воскресные и праздничные дни дѣвицы бывають у обѣдни; въ дурную же погоду,

время службы занято изъясненіемъ Евангелія имъ въ классѣ.

VI. Прочія науки преподаваемыя въ Институтѣ суть: Грамматическое знаніе Рускаго языка въ чтеніи и на письмѣ; Арифметика; нужныя свѣденія изъ Географіи; также Исторія: священная, Всеобщая Отечественная и Естественная; часть Риторики и Рисованье. — Сверхъ сего обучаются еще танцованью и музыкѣ *) За сіи послѣдніе предмѣты пансіонерки платятъ особо учителямъ: музыки

*) Кромѣ Гг. учителей сихъ искусствъ, обучающихся воспитанницъ безъ платы, съ 1 Сентября 1815 года Г. Канатовъ, студентъ здѣшняго Университета, сынъ помѣщика Херсонской Губерніи и — Г. Демьяненокъ, помѣщикъ Валковскаго уѣзда, предложили услуги свои обучать всѣхъ вообще дѣвицъ въ Институтѣ безъ всякой платы, — первой Св. Исторіи и Арифметикѣ, другой чиstopисанію. Да утѣшаются родители сихъ молодыхъ людей узнать, — что они при отличномъ похвальномъ поведеніи своемъ, знанія свои и свободное время — первѣйшую ихъ собственность — посвящаютъ на пользу ближнимъ. И воистинно это безъ сомнѣнія суть плоды истиннаго просвѣщенія! —

150 руб. танцованія 50 въ годъ. Ученіе иностраннымъ языкамъ для пансіонерки предоставляется на волю ея родителей.

VII. Бездѣйствіе въ домашней жизни и не охотность къ руководѣльямъ рождаютъ многія зла для женскаго пола; по чему въ свободные отъ наукъ часы дѣвицы въ Институтѣ обучаются всѣмъ женскимъ руководѣльямъ, какъ-то: кроить, шить, вышивать разнымъ образомъ и вязать; сверхъ того домоуправленію. А что бы въ работѣ не было недостатка; то позволяется принимать оную со стороны, за цѣну назначаемую отъ Главной Начальницы.

VIII. Для большаго устройства и обученія дѣвицъ къ порядку домоуправленія,—поручается отличнѣйшимъ въ ученіи и благонравіи храненіе книгъ; рисунковъ, вещей принадлежащихъ къ руководѣльямъ, такъ равно платья, бѣлья и проч. и все это подѣ главнымъ за ними наблюденіемъ Смотрительницы. Сверхъ сего бываетъ всегда по Институту *дежурная дѣвица* по очереди, не выключая и Пансіонерокъ. Ея обязанность состоятъ въ наблюденіи порядка внутри Института по частямъ

хозяйственной, учебной и такъ же въ при-
смотрѣ за кухнею. На другой день она
должна подать записку о всемъ произхо-
дившемъ въ ея дежурствѣ, дѣлая при томъ
замѣчанія по своему разсужденію (*).

Неусыпно и строго наблюдается въ
Институтѣ, что бы воспитывающіяся
тамъ дѣвицы не имѣли ни какого сноше-
нія и почти никакихъ разговоровъ съ слу-
жителями въ Институтѣ; но таковое за-
прещеніе производися съ величайшею
осторожностію и разсмотрѣніемъ, — дабы
не поселить въ нихъ унижающей человѣ-
чество мысли, что служители наши сущь

-
- (*) Примѣромъ ихъ искренности и добродушія мо-
жетъ служить слѣдующее: въ одной изъ тако-
выхъ записокъ между прочимъ, послѣ описанія
обѣденнаго стола, сказано было дежурною: —
„Обѣдъ состоялъ по обыкновенію изъ трехъ
„блюдъ: борщу, каши и жаркаго; но хорошо ли
„было кушанье изготовлено, или въ чемъ былъ
„недостатокъ, — не могу извѣщать своихъ замѣ-
„чаній; попому что, за слабое знаніе урока, была
„я въ этотъ день безъ обѣда.,, Вообще сіи за-
писки оплачиваются точностію, желаніемъ вни-
мать во все и успѣшь въ правильномъ изложе-
ніи своихъ мыслей.

существа гораздо насъ низшїя и не заслуживающїя нашего вниманїя и участїя. Это запрещенїе показывается имъ въ настоящей его пользѣ; то есть: что онѣ, отъ обращенїя съ служителями, неприимѣннымъ образомъ занимають ихъ приемы въ выговорѣ, въ поступкахъ; а сїи, по не образованности служителей, весьма не сходны съ обращенїемъ благовоспитанныхъ людей; — и потому неприлично и нестерпимо въ обществѣ, для котораго онѣ пригошовляются; — притомъ, служители наши отъ вольнаго съ ними обращенїя, теряють къ намъ уваженіе, дѣлаются непослушными, заставляють насъ иногда вышши изъ терпѣнїя и раздражаютъ насъ противъ себя.

IX. Кромѣ ежемѣсячныхъ испытанїй въ успѣхахъ воспитывающихся дѣвиць, бывають публичныя въ изходѣ Іюня мѣсяца, на основанїи Устава учебныхъ заведенїй. Оказавшимъ хорошіе успѣхи въ ученїи и отличившимся въ благонравїи, раздаются при торжественномъ Собранїи Общества, бывающемъ въ Августѣ мѣсяцѣ, установленныя серебряныя зна-

ки отличія за прилѣжность, книги, рисунки, похвальные листы — и проч.

Х. Приготовляемая для дѣвицъ пища всегда бываетъ здорова и достаточна для всѣхъ; почему ничто изъ сѣстнаго не отпускается прежде, нежели будетъ одобрено Смотрительницею и при ней дежурною; дни постные всѣ строго наблюдаются. Смотрительница всегда бываетъ за столомъ и наблюдаетъ, — что бы всѣ дѣвицы во время стола сидѣли смирно, пристойно кушали и ни о чемъ тихо межъ собою не разговаривали, но въ слухъ, — дабы всякая рѣчь ихъ была ей слышима и вообще наблюдаема учтивость, благопристойность.

XI. Что бы воспитаніе дѣвицъ всегда съ надлежащимъ порядкомъ происходило и отнюдь ни чемъ не было прерываемо; то для сего родители и родственники дѣвицъ въ учебные дни не могутъ имѣть съ ними свиданія, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней и то въ присутствіи Смотрительницы. Впрочемъ, членамъ только Совѣта, учителямъ, священнику, доктору и проѣзжающимъ знатымъ особамъ

позволяется входить въ Институтъ; прочіе всѣ должны для сего имѣть билетъ отъ главной начальницы.

XII. Для случающихся въ Институтѣ больныхъ дѣвицъ, назначены особливые комнаты; а присмотръ за ними поручается одной изъ старшихъ воспитанницъ, дабы приучить ихъ къ состраданію и Евангельской добродѣтели — помощи болящимъ.

XIII. Когда воспитанница выдается замужъ, — Совѣтъ обращаетъ вниманіе на состояніе, нравственность и положеніе дѣла желающаго взять ее за себя. Въ приданое за нею, кромѣ положеннаго платья, бѣлья и проч: выдаетъ денежное награжденіе, смотря по способамъ къ тому. При отпускѣ изъ Института выдано ей будетъ отъ Совѣта свидѣтельство, представляя которое можетъ она прибѣгать въ несчастныхъ случаяхъ опять къ сему мѣсту — яко попечителю всѣхъ бѣдныхъ, — а тѣмъ болѣе сиротъ имъ призрѣнныхъ, дабы Совѣтъ могъ по возможности доставить ей пособіе, еслии только она

благонравіемъ и добрымъ поведеніемъ своимъ сохранить для себя сіе право.

Статьи, коими Совѣтъ будетъ руководствоваться при выпускѣ воспитанницъ изъ Института въ дома помѣщиковъ для обученія дочерей ихъ, — въ подробности объявятся чрезъ Украин. Вѣстникъ; тамъ же назначатся и условія и срокъ, когда онѣ будутъ отпущены.

Доводя до свѣденія желающихъ сіи подробности мѣста — въ здѣшнемъ краѣ перваго и почти единственнаго, не щитаемъ излишнимъ въ свое предостереженіе сказать и то, — что если бы нашлись люди — участники ли то въ семъ Обществѣ, или посторонніе, — кои по какимъ нибудь личностямъ, или по какому нибудь странному — неизъяснимому чувству, но къ стыду челоѣчества не рѣдко встрѣчающемуся, худо отозвались бы о семъ заведеніи; кои не только не поддерживали бы его, не только отказывались бы однажды представивъ себя благотворителями — но даже старались бы, разпуская невыгодные слухи, разрушить сіе заве-

деніе — какъ безполезное; — естли бы
нашлись такіе люди, — по даже долгомъ
своимъ почли бы мы напомнить имъ: —
въ добродѣтеляхъ, особливо въ благошво-
реніи, личностямъ ни когда быть не дол-
жно. При семь олшарѣ, — посвященномъ
любви ближняго, — или должно *прими-*
ряться, или оставить *даръ* и приношеніе;
иначе оно превратится въ *злотореніе*.
Въ послѣднемъ случаѣ сказать: что даже
большая часть — не составляютъ еще *всѣхъ*;
что были и будутъ всегда люди, — истин-
ные благошворители; что наше Прави-
тельство, нашъ Престоль — среди вели-
чайшихъ добродѣтелей — болѣе *всѣхъ*
украшается благостію, щедрою, мило-
стію, состраданіемъ къ бѣдности вообще
человѣчества и особенно сыновъ своихъ —
и вѣрно Возсѣдѣющій на немъ обратитъ бла-
гошворные взоры свои на сіе заведеніе въ
нуждѣ онаго; — что сверхъ всего — есть
Богъ, Коего первѣйшее, признанное *всѣ-*
ми вѣками, во *всѣхъ* мѣстахъ, *всѣми* людь-
ми Его познавшими, свойство есть — про-
мысль о тѣхъ изъ разумныхъ тварей, кои
оставляются имъ подобными безъ при-

зрѣнія, безъ помощи, безъ состраданія! — Можно бы здѣсь еще прибавить, что сей Богъ благости, — есть вмѣстѣ и Богъ правосудія; что не рѣдко наказуетъ Онъ жестокосердыхъ тварей своихъ и часто тошъ, который отказывалъ въ помощи бѣдному, или клеветалъ на него и поносилъ — часто тошъ, или его дѣти — принуждены бывають сами прибѣгать къ дѣтямъ бѣдняка, ими нѣкогда отверженнаго, ими съ презрѣніемъ поносимаго.

Но какъ изложеніе сихъ мыслей есть только предосторожность; то мы осмѣемся въ приятной надеждѣ, что будемъ изъяслять одну благодарность истиннымъ благотворителямъ, — что станемъ описывать только черты первѣйшей добродѣтели для удовольствія добрыхъ, для утѣшенія и упованія бѣдныхъ и нуждающихся, для возбужденія во всѣхъ соревнованія ко благу общему.

(Продолженіе впереди).

ПИСЬМО КЪ ИЗДАТЕЛЯМЪ.

О подложномъ золотѣ.

Благодарю васъ, Мм. Гг, за помѣщеніе въ вашемъ Журналѣ перваго моего къ вамъ письма. Авосьлибо оно не будетъ безъ пользы! Пишу теперь къ вамъ другое, которое однакожь не касается до жизни человека; а только до его кармана.

Былъ я не давно у одного изъ моихъ приятелей, и увидя на часахъ его новую цѣпочку, безъ всякаго намѣренія спросилъ: что она стоитъ? — „Семдесятъ рублей, отвѣчалъ онъ мнѣ; она червоннаго золота, — куплена здѣсь о Крещенской ярмонкѣ въ богатомъ магазинѣ и хозяинъ его ручался мнѣ своею честію, что она изъ чистаго червоннаго золота.“ — Взявъ цѣпочку въ руки удивился я легкости сего чистаго золота; даже и цвѣтъ его возбудилъ во мнѣ нѣкоторое сомнѣніе. Приятель мой, это примѣтя, предложилъ — не знаю ли я средства повѣрить чистоту купца и неподложность цѣпочки? — Ничего иль проще, отвѣчалъ я; это мое

дѣло, — только пожалуйше ко мнѣ съ вашей цѣпочкою и пожершвейте хоть однимъ изъ нея колечкомъ. — Приятель мой приѣхалъ; я взялъ цѣпочку и взвѣсилъ: она была въ восемьдесятъ грановъ. Послѣ сего я опломилъ одно изъ нея колечко которое взѣсило 3,6 грановъ; пошелъ съ нимъ въ Университетскую Химическую лабораторію и облилъ его царскою водкою. Вообразите себѣ — растворъ сего червоннаго золота въ царской водкѣ былъ — зеленаго цвѣта, какъ будто опъ мѣди! Чрезвычайно малое количество солянокислаго серебра показалось на днѣ сосуда, которое послѣ тщательнаго отдѣленія и взвѣшиванія имѣло только 0,20 грана и слѣдовательно содержало 0,15 грана чистѣйшаго серебра. Находящееся въ жидкости золото отдѣлили я зеленою сѣрнокислою закисью желѣза и получили такимъ образомъ 1,85 чистѣйшаго золота. Прочая жидкость содержала мѣдь, а именно 1,6 грана.

По сему содержанію заключилъ я, что во всей сей цѣпочкѣ 80-ти грановъ находилъ:

Золота -	-	-	-	41,11	гран.
Серебра -	-	-	-	3 33	—
Мѣди -	-	-	-	35,55	—

всего 79,99. гран.

Изъ количества составныхъ частей сего поддѣланнаго золота вы видите, Мм. Гг. что въ цѣпочкѣ находилось чистаго золота не больше какъ рублей на шесть. Не грѣшно ли же, не противузаконно ли брать купцу за такую вещь семьдесятъ рублей? Покупщикъ долженъ былъ заплатить въ десятеро дороже за то, что онъ самъ не знатокъ въ такихъ вещахъ, и повѣрила чести купца! —

Богачи, будьте осторожны въ галантерейныхъ магазинахъ,, тамъ не все то золото, что блеститъ!,, —

Сообщая о семъ вамъ, Мм. Гг! —

имѣю честь быть вашъ

Покорнѣйшій слуга

Орестъ Шуманъ.

Магистръ Химіи.

Письмо зе въ Херсонѣ.

Давно и я къ тебѣ не писалъ уже, мой другъ! Причинажъ этому совсѣмъ не та, какъ ты, предполагаю, думаешь: будто бы мнѣ писать было не о чемъ; напротивъ множество предмѣтовъ такъ развлекли мой умъ, въ такую привели меня нерѣшимость, — что я, выбирая изъ нихъ лучшіе — до сихъ поръ молчалъ. Если опять подумаешь, — что сіе множество предмѣтовъ было — отъ нашего театра; — то опять ошибешся. Правда, — тамъ представленія продолжались до послѣднихъ дней масленицы и слѣдовательно было чего смотрѣть, было о чемъ судить, — говорить съ тобою; но я по многимъ причинамъ почти совсѣмъ опложилъ попеченіе — писать о театрѣ. Нѣкоторымъ пришла мысль, будто бы статья эта за тѣмъ попала въ Украинскій Вѣстникъ, что не члѣмъ наполнять его; — такъ я хочу показать тому противное и согласиться лучше съ благомыслящими, что этотъ предмѣтъ не большой важности. Другіе подумали и рѣшили, что я не имѣю

опѣденій, дабы судить о театрѣ; — прошивъ сего я долженъ смириться! Да и пошеряю ли что нибудь, когда не станушъ знать моихъ сужденій о здѣшнемъ театрѣ? А съ тобою — мы можемъ поговорить и легонько. Нѣкоторые даже причили мяѣ и въ порокъ сердца мои сужденія: будто бы хотѣлъ я разстроить театръ, какъ новое и еще не усовершенствовавшееся заведеніе; — увѣряю, что я чуждъ сего проступка; первая и любимая мысль моя всегда была — способствовать къ чему нибудь полезному, еслии могу, — а не разстраивать. При томъ же, не бывъ знакомъ съ симъ чувствомъ козней, лишился бы я добраго мнѣнія людей, которыхъ вниманіемъ долженъ дорожить и дорожилъ всегда. И такъ — я докажу моимъ обвинителямъ, что во мнѣ нѣтъ нѣхъ похвальныхъ свойствъ, кои они мнѣ приписывали и буду впередъ простымъ зрителемъ нашего театра. Что не стану рукоплескать неловкости актеровъ, что отдамъ справедливость талантамъ нѣкоторыхъ — разумѣется тихо самъ съ собою; такъ за это кажется не положенъ

штрафъ и вѣрно мы всё будемъ въ мирѣ и добромъ согласіи.

Но я удалился отъ множества предмѣтовъ. Какіежъ они — ты спросишь? — Приходи въ нашъ городъ лавроувѣнчаныхъ подвижниковъ нашихъ съ поля чести и славы; празднества по сему случаю; чувства къ нимъ благодарности мирныхъ гражданъ; взаимное отъ героевъ изліянiе признательности за родственныи приемъ и — не правда ли, что здѣсь великое обиліе предмѣтовъ заслуживающихъ быть извѣстными? — Какъ бы я желалъ имѣть на этомъ разѣ твой талантъ объясняться, мой милый Лаконикъ, — чтобъ въ нѣсколькихъ чертахъ и живо, и вѣрно написать картину нашихъ торжествъ, — какъ ты бывало въ чепырехъ словахъ *монументъ трясся, Исакій вздыхалъ* живописалъ мнѣ изъ Петербурга тамошняго гулянья о Святой Недѣлѣ и вмѣстѣ съ симъ чувства, долженствовавшія родиться при видѣ тысячи каретъ кружившихся вокругъ монумента Петра Великаго и Церкви Исакиевской? — Но я въ этомъ не успѣю и чувствую, что твой та-

даншъ — останеся въ тебѣ неподражаемымъ, — покрайней мѣрѣ для меня. Примижь мою Апшическую, т. е. длинную, но безъ Апшической соли реляцію; возьми изъ нее матерію — чувства и переработай, естли хочешъ, для себя по своему.

Въ первыхъ числахъ прошедшаго Февраля начали вступать и проходить полки черезъ нашъ городъ. Тутъ я услышалъ военную музыку — и сердце забилося во мнѣ, кровь запылала и полилась какъ пламень въ моихъ жилахъ. Не понимаю самъ, что за чувство раждаетъ эта музыка! эпошъ видъ броненосныхъ любимцевъ славы! — Они столько прошли пространства земли, столько понесли трудовъ, столько одолѣли препятствій, — что казалось бы это выше силъ смертнаго; — и они однакожь бодры, не примѣтно ни въ одной чертѣ, ни въ одномъ ихъ движеніи ушомленія; они даже веселы, какъ будто бы возвращались съ какого нибудь пира! — Можешъ быть святое дѣло — ими совершенное, родные поля защищенные, жизнь соотечественниковъ спасенная, — можешъ быть всё сіе укрѣпля-

ло ихъ въ опасностяхъ, въ трудахъ! Можеть быть мысль — добраго дѣла, мысль — что они возвращаются въ отечество, къ роднымъ разливаешь веселіе на ихъ лицахъ; — не могу рѣшить. Знаю только, видѣлъ я только собственными глазами, — что чрезъ часъ, не больше, по вступленіи 39 Егерскаго полка въ нашъ городъ — солдаты онаго вышли за ворота квартиръ своихъ съ трубками, тушили и забавлялись межъ собою, какъ будто бы они пришли не изъ похода и не съ отдаленнаго конца Европы! ! —

Къ половинѣ Февраля всѣ и Генералы, и Штабъ и Оберъ-Офицеры прибыли. Пришедъ въ Благородное Собраніе — пораженъ я былъ сіянѣмъ звѣздъ и крестовъ украшавшихъ грудь Героевъ — оплотъ Отечества, благословенной Свыше Россіи. Давно уже я не наслаждался симъ зрѣлищемъ — и признаюсь въ то время, какъ я былъ въ Столицѣ, доблесть сыновъ Россіи еще не была въ полной силѣ доказана свѣту; а потому и знаки отличій — очень рѣдко удавалось мнѣ встрѣчать. Но послѣ подвиговъ

начиная съ 1812 по 1816 годъ — естъ-либъ и всѣ брилїанты свѣта украшали грудь Россовъ; все бы еще не была велика награда заслугамъ ихъ! — Среди шуму я обыкновенно люблю — быть самъ съ собою; и посреди сего собранїя я перелешалъ мыслїю ошъ настоящаго къ прошедшему: вспоминалъ Сентябрь и Октябрь 1812 года, представлялъ себѣ всеобщее унынїе, блѣдность на всѣхъ лицахъ — съ кѣмъ бывало ни встрѣпишся, — первый вопросъ съ тяжелымъ вздохомъ: *что слышно? Что съ нами будетъ?* — Вспоминалъ я съ содроганїемъ анекдоты (*) люто-

(*) Это не риторическое изобрѣшенїе; вспомни, какъ ты самъ разказывалъ мнѣ слышанное шобою ошъ очевидца въ проѣздѣ швой (1813 года) черезъ Москву: что,, одинъ Священникъ скрывалъ въ домѣ сокровище — единственную дочь свою; Офицеръ Французскїй и шрое солдашъ ворвались въ домъ, все переискали; наконецъ выламываютъ двѣръ у свѣшлички. Священникъ руками заграждаетъ пущъ злодѣямъ; Офицеръ видитъ дѣвиду — и двѣ сабли опдѣляютъ двѣ руки у спарца; дочь бѣжитъ — и сбдая голова опща ея, какъ шаръ, капнишся къ ногамъ жершвы безчеловѣчїя и разпраша ни какимъ языкомъ невыразимаго!!,, —

сти въ просвѣщенныхъ людоѣдахъ — Французахъ, когда они были въ Москвѣ; вспоминалъ, какъ бывало всякое дѣло падало изъ рукъ отъ ожиданія чего-то ужаснаго; — вспоминалъ — и вдругъ смотрѣлъ на многочисленное собраніе ярко освѣщаемое; видѣлъ на всѣхъ лицахъ, во всѣхъ движеніяхъ одно чувство — радость; слышалъ звуки музыки — призывающей къ пляскѣ и всѣхъ оживляющей; хоръ пѣвчихъ — прославляющихъ громко и Царя нашего, и Отечество, и защитниковъ его; — видѣлъ, слышалъ все это — и непостигалъ, какая перемѣна въ моихъ мысляхъ? — Разсуждая только далѣе — приводилъ я себѣ на умъ: что блаженствомъ, послѣ благоспѣ Всесоздавашаго, — что всѣмъ, чемъ теперь наслаждаемся, — обязаны мы симъ Героямъ лишавшимся покоя за нашъ покой! — Можешь ли ты представить себѣ, чувствовалъ ли ты когданибудь то чистое небесное удовольствіе — смотрѣть на красоту нашихъ дѣвъ всѣми прелестями изукрашенныхъ, на гибкость и легкость въ ихъ танцахъ, — на любовь въ обращеніи, въ разговорахъ;

словомъ — я не выражу тебѣ ничего, а спрашиваю только: знаешь ли ты чувство — потерянное для грубыхъ сластолюбцевъ, неизвѣстное холоднымъ нелюдимамъ никогда не жившимъ, а только дышавшимъ (*)? — вотъ это чувство разливалось тогда въ душѣ моей! Благодарность къ тѣмъ, кои удаливъ гибель отъ нашей страны водворили въ ней тишину и радость, дали цвѣсть красотамъ нашимъ подъ яснымъ небомъ мира, — благодарность сія увеличивала мое блаженство. — Хотѣлъ бы я сообщить, — описать его тебѣ, какъ другу моему: но — о! для душевной радости, какъ и печали нѣтъ словъ, не изобрѣтень еще языкъ! — Есть-либъ ты былъ тогда подлѣ меня и не тожь чувствовалъ по какой нибудь странности, что я; то прикоснувшись къ рукѣ твоей, или приложивъ ее къ сердцу

(*) Кто, бывъ молодъ, не смѣялся,
Не плясалъ и не пѣвалъ;
Тотъ ни чѣмъ не наслаждался, —
Въ жизни не жилъ, а дышалъ.

своему, — я можеть быть и сообщилъ бы тебѣ мое чувство!! — Пусть и это почувствуй *сантиментальностію* (ею теперь называютъ многія чувства!); — не боюсь: ибо для тебя пишу, — а ты меня и знаешь, и понимаешь.

Быстро пройду я праздники, даваемые въ честь дорогимъ Гостямъ нашимъ; они отличались не пышностію, не великолѣпіемъ: ибо, по утонченности и улучшенію теперь вездѣ образа жизни, многое должно соединиться, — чтобъ составить балъ, который бы можно было называть истинно великолѣпнымъ! Прочитавъ у Державина описаніе празднества даднаго Великой Екатеринѣ Княземъ Пошемкинымъ и сравнивъ его съ празднествами древнихъ Римскихъ Вельможъ въ описаніяхъ отрывками намъ сохраненныхъ, — и я уже могу представить себѣ, что должно значить великолѣпіе нынѣшнихъ празднествъ!! — Нѣтъ, наши балы отличались и сіяли — усердіемъ хозяевъ, признавательностію гостей, душевнымъ удовольствіемъ тѣхъ и другихъ, — что ты можешь заключить изъ послѣдняго

бала, который давали Военные — и который постараюсь описать тебе нѣсколько подробнѣе. — И такъ 12 Февраля давало балъ Купечество; — 14-го балъ и ужинъ здѣшній Губернскій Предводитель Дворянства А. О. Квишка въ своей прелестной Основѣ — отстоящей отъ города не болѣе, кажется, версты; 17-го Предводитель Харьковскаго уѣзда І. Н. Познанскій въ домѣ Благороднаго Собранія; 19-го Графъ Петровичъ - Подгоричани въ маломъ домѣ Университета; а 20-го въ послѣдній день масленой недѣли Военные, желая отблагодарить гражданамъ, въ Университетской же залѣ. Вообрази это! быстрый переходъ отъ веселья къ веселью! Но онъ не былъ утомителенъ; потому что не принужденіе имъ управляло, а усердіе и благодарность. 18 Февраля ни кто еще и не думалъ о балѣ къ 20-му; но съ упрямъ все закипѣло! Военные волшебники: ихъ приказанія нигдѣ почти не имѣютъ разстоянія съ исполненіемъ. Зала украсилась не обыкновеннымъ образомъ: одна изъ ея стѣнъ, на коей въ срединѣ стоялъ портретъ Августѣйшаго Монарха нашего

АЛЕКСАНДРА, вся одѣта была — ружьями; вмѣсто лучей отъ портрета сіяли — сабли; на верху серебряныя Георгіевскія трубы, жалованныя за опличіе Ярославскому полку; по угламъ сей стѣны возвышались пирамиды построенныя — изъ барабановъ. При первомъ возрѣніи на сии украшенія раждалась мысль, — что Герои, окончивъ бранный подвигъ, вѣшаютъ оружіе свое на стѣны, — или лучше повергають предъ Августѣйшимъ Монархомъ своимъ до тѣхъ поръ, какъ Онъ повелитъ опять взять оное къ защитѣ, или славы Ошечества и Трона. Шестъ сошь свѣчь въ залѣ для сего освѣщенія очень небольшой горѣли — и отражаясь отъ зеркалъ, картинъ, — встрѣчаясь съ блескомъ ружей, играя и опливаясь на сабляхъ — представляли все горящимъ для глазъ! Хоръ пѣвчихъ и при музыки военныхъ потрясали своды залы, восхищали сердца, оживляли танцующихъ. Одинъ Генераль, два Полковника и нѣсколько. Штабъ и Оберъ - Офицеровъ ожидали прихода Губернскаго Предводителя Дворянства, и въ лицѣ его торжественно изъявили Дво-

рянству и всѣмъ сословіямъ Слободско-Украинскимъ признательность за добрый приемъ войскъ, за довольство ихъ и угощенія. Въ продолженіи бала—нельзя было ничего пожелать гостямъ, чѣмъ бы тогда два-три героя не готовы были услужить! Нѣкоторые изъ Генераловъ открывали всѣ танцы и украшали ихъ. О уборахъ прекраснаго пола — и говорить не могу; объ угощеніи и обиліи во всемъ — также: для сего нуженъ былъ хладнокровный зритель; — но тамъ всѣ чувствовали только, веселились, удивлялись и наслаждались! Посему ты можешь судить о продолженіи бала. — Но я не имѣлъ намѣренія описывать всѣ его подробности; хотѣлъ только удѣлить тебѣ свою радость, что послѣ бури бранной — мы наслаждаемся тишиною благодатнаго мира. Помню гдѣ-то Мармонтель сказалъ: скорое забвеніе несчастій есть даръ, который дала животнымъ природа и въ которомъ она отказала человѣку; — это, мнѣ кажется, или несправедливо сказалъ онъ,—или справедливо только тамъ, гдѣ онъ сказалъ. Ибо и человѣкъ не забыть

природою — нѣжнѣйшею матерью; и онъ скоро забываетъ свои несчастія, естли только не былъ самъ — порочный ихъ виновникъ. Ссылаюсь въ этомъ на наши несчастія — очень недавно постигшія надъ нами, и на радость — насъ теперь исполняющую!! —

Хотѣлъ бы я при концѣ и сего письма спросить тебя о причинѣ твоего молчанія; но боюсь слишкомъ рѣзко переѣнить тонъ его. Ибо угадываю причины и другихъ придумать не могу: какъ что ты или опять принужденъ употреблять въ жизни твоей *горчицу*, кою ты не хотѣлъ насъ *потчивать* изъ Петербурга — и молчалъ цѣлые четыре мѣсяца; или уже слишкомъ живешь разсѣянно — и молчишь по обыкновенію всѣхъ въ такомъ случаѣ. И такъ не хочу тебя спрашивать о причинахъ: справедлива первая, — такъ слогъ мой переѣнится въ печальный; справедлива вторая, — такъ въ поучительный или совѣтовательный. Пусть же онъ останется нѣсколько ровень, прости. —

ф-ій.

Письмо изъ Херсона.

Поспѣшаю сообщить вамъ, Милостивые Государи, новость здѣшняго Благороднаго Театра и остаюсь въ приятной увѣренности, — что вы доставите намъ удовольствіе видѣть ее въ вашемъ Вѣстникѣ. — Новость сія конечно не составляетъ предмета рѣдкаго; но она блеснула въ глазахъ нашей публики, какъ первое здѣсь и приятное явленіе. Впечатленіе отъ сего было сильнѣе и потому еще, что здѣлано оно въ честь Начальнику здѣшняго порта Капитанъ Командору и Кавалеру Филипу Тимофеевичу Быченскому І-му, при полученіи имъ отъ Монаршей милости — Контръ-Адмиральскаго чина. Празднество 20-го Февраля въ Воскресенье было составлено Чиновниками здѣшняго порта; оно выражало чувства глубочайшаго уваженія, радости и любви ихъ, и служилъ памятникомъ въ честь какъ отличному начальнику, такъ и благороднымъ чувствамъ его подчиненныхъ. Явленіе сіе

тѣмъ было поразительнѣе, — что, представлено сверхъ всякаго чаянїя въ то время, какъ ожидали уже начала представленїя на Театрѣ: оканчивается музыка — открывается сцена и представляется лѣсъ, вечеръ и глубокая тишина; вдругъ блещетъ молнїя, ударяетъ громъ, съ облаковъ слезаетъ Меркурій, и говоритъ:

Днѣсь славу подвиговъ ошъ Юга я внимая,
И доблесть силъ моихъ въ Героѣ созерцая,
Хочу въ награду дѣлѣ, въ знакѣ чести и хвалы,
Да, мощные мои парящіе орлы

На раменахъ его со славой возсіяють,
И свѣшу о его заслугахъ возвѣщають! —

Пусть славы Генїи при звукахъ, торжествѣ,
Въ лучахъ безсмертїя и лавровомъ вѣнкѣ, —
Днѣсь имя славное его для всѣхъ представлятъ
И въ поздни времена его попоминувъ славятъ.

Вѣдая наконецъ Меркурій рекъ: явись!

И бысть.

Съ словомъ *бысть* Меркурій скрывается; но по манію жезла его въ одно мгновенїе блещетъ молнїя, ударяетъ громъ, въ сіяніи на воздухѣ является вензеловое имя Начальника Порша, гремитъ музыка, и хоръ пѣвчихъ поетъ съ нею:

Герой Россійскій прославляйся,

И новой честью украшайся:

Се, въ знакъ награды опъ судьбы
За подвигъ и шруды,
За счастье и покой
Дарованны побой, —
Опъ неба льется дождь златой!

Въ тужъ минути передъ вензелевою
картиной съ шумомъ падаетъ дождь зо-
лотой, и занавѣсъ опускается.

Всѣ зрители то одушевлялись слад-
кимъ восхищеніемъ, то предавались ти-
хому изумленію. — Въ одно мгновеніе
громкія рукоплесканія и восклицанія на-
полняли весь Театръ, и наконецъ при-
знательность Генерала смѣнила общую
благодарность; тогда представилось мнѣ,
что награда заслугъ и награда доброду-
шія слились въ одно чувство въ сердцѣ
почтеннаго, всѣми уважаемаго и любимаго
Генерала; всѣ это видѣли въ геройскихъ,
блистающихъ взорахъ его и вмѣстѣ съ
нимъ раздѣляли его удовольствіе. — Вотъ
истинная награда заслугъ и добродѣ-
тели! — Блаженъ Монархъ, который
даетъ власть и награды такимъ Нача-
льникамъ, — счастливъ Начальникъ, ко-
торый имѣетъ такихъ подчиненныхъ, —

но спократно счастливо любезное наше
Отечество, которое все сіе имѣеть! —

Имѣю честь быть и проч.

Д. А. — 2-й.

Господину Издателю сочиненій
А . . . Н . . . Нахимова.

Милостивый Государь!

Прежде, нежели начну о дѣлѣ, — честь
имѣю доложить вамъ, что я солдатъ. И такъ
прошу васъ покорно извинить, естли
въ письмѣ моемъ и прочемъ, что можетъ
послѣ онаго послѣдовать, вы не найдете
ни краснорѣчія, ни искусства; что касаетъ
ся до сердца способнаго чувствовать, и
которое отъ радости всегда сильнѣе бьется,
когда слышитъ честнаго человѣка го-
ворящаго правду не въ бровь, а почти въ
самой глазъ — о! — за это я вамъ ру-
чаюсь, что въ Рускихъ солдатахъ вы
скорѣе его найдете, нежели гдѣ ни-
будь; — доказательство тому: — когда я

и нѣкоторые мои товарищи читали сочиненія какого-то Нахимова; то мы такъ прыгали отъ радости и избытка чувствъ, какъ будто бы въ старыя годы случилось намъ найти кусокъ хлѣба. — Такихъ людей не много! — говорилъ мнѣ старой усащъ; когда бы всѣ такъ сильно чувствовали, какъ онъ смѣло написалъ, — то не подчивали бы насъ старыхъ псовъ наprivязи помоями — сказала другой — Да брашъ! — подхватилъ третій, — и кровь была бы дороже чернилъ!!

Между нами былъ такъ же одинъ изъ ученыхъ, которой послѣ Поэзіи на репировѣ Пегасъ залетѣлъ не на колокольню — но — подъ красную шапку. — Этотъ подумавши сказалъ: брашцы! — какъ бы почитать память такого молодца? — Сверхъ многихъ его достоинствъ, о которыхъ я слыхалъ, онъ былъ стихотворецъ, честной человекъ и любилъ правду. — Припоминаю, какъ мой учитель говорилъ когда-то въ школѣ о рифмахъ богатыхъ и полубогатыхъ — кажется онъ прибавилъ, что хотѣя совершенно бѣдныхъ рифмъ въ поэзіи не полагается; — за то тѣ, кои ими занима-

юлся весьма рѣдко бывающъ богаты — я къ тому это говорю, чтобъ дать вамъ почувствовать, что я имѣю понятіе о Поэзіи, хотя — (признаться между нами) весьма обвѣшдалое — но здѣсь, гдѣ любящъ сочиненія Нахимова, вѣрно любящъ также искренность; не красной слогъ, а чувства цѣняясь. — Хошитель, съ вашего согласія, напишу я къ нему строкъ пять въ Элисейскія — а одну къ строгимъ кришикамъ, а можетъ быть и завистникамъ здѣшняго ученаго, полуученаго — и всякаго мѣра?

Вотъ, что онъ говорилъ — и мы все закричали: браво! — садись! — пиши! — да здѣлай милость, просто — отъ сердца; вѣдь ты давно уже изъ школь. — Онъ написалъ:

Призываніе тѣни А... Н... Нахимова.

Явись, почтенна тѣнь! — прими отъ сердца дань!
 Не рѣчь надгробную надупаго Прелата;
 Но съ чувствомъ спихъ простой Россійскаго солдата;
 И громомъ истины еще на подлостью грянь.
 Явись Россійской нашъ Бѣдало!
 Не многоль сказано? — ибшь! — мало.

Милосливый Государь! Товарищи дали мнѣ довѣренность, чтобъ вамъ, какъ

другу и издателью сочинений Нахимова, представить сѣе искусственное изображеніе глубокаго впечатлѣнія, которое произвело въ нихъ чтеніе стиховъ его — и проч.

Библіографія выходящихъ въ Харь- ковѣ книгъ.

5. О Баснѣ и о баснописцахъ разныхъ народовъ, извѣстіе объ ихъ жизни съ нѣкоторыми замѣчаніями на ихъ басни и самыя басни оныхъ. Опытъ распространенный Василіемъ Масловичемъ изъ первой его лекціи, читанной въ ИМПЕРАТОРСКОМЪ Харьковскомъ Университетѣ, по случаю Докторскаго экзамена, по словесному отдѣленію. Въ Унив. шип. 1816 г. VI, 140 стр. въ - 8. (Г. Масловичъ оказалъ услугу любителямъ Словесности. Мы еще не читали сочиненія о семъ же предметѣ Г. А. Измайлова; но увѣрены, что сей опытъ во всякое время будетъ не бесполезенъ. Г. Сочинитель между прочимъ выбралъ достопримѣчательные какъ по ош-

дѣлкѣ, такъ и по другимъ отношеніямъ, басни Греческихъ Латинскихъ, Нѣмецкихъ, Испаліянскихъ, Французскихъ, Англическихъ и наконецъ Рускихъ писателей. Статья о Рускихъ баснописцахъ обильнѣе всѣхъ прочихъ и между приведенными изъ Рускихъ басенъ есть нѣсколько занимательныхъ по своему полу - Славянскому слогу; мы выписываемъ одну такую для нашихъ читателей.

Человѣкъ и песѣ.

Человѣкъ нѣкій сотвори вечерю, хотѣя подѣлати друга своего любимаго, его же песѣ иного прѣзва пса, иже рече, друже прїиди, кунно со мною будеши вечеряши, онъ же егда прїиде весель, великія ожідая вечера, спояше и мысляше въ мысли свои, глаголя, се какова мнѣ радость прїключїся, стану пїтатїся и насыщенъ буду сїце, яко за утра нікако захочу ясти, сїа же егда самъ въ себѣ глаголаъ, и хвостомъ помахївалъ, яко на друга своего уповалъ, хозяйнъ вїдя его хвостомъ радость творяща, возхїпївъ за ноги, ок-

номъ выбросилъ; онъ же егда паде, съ великімъ воплемъ идяше. егоже срѣше нѣкіи песь, како вечерялъ еси друже; рече, отвѣща ему, многѣмъ пїѣемъ не по мѣрѣ упїлся, и пути не позналъ, которымъ прїшелъ.

Прїлогъ.

Прїпча знаменуетъ, яко не подобаетъ уповати на шїихъ, которые отъ чуждаго благопворїши обѣщаются.

Начиная съ сего безымяннаго автора, Сочинитель проходитъ нашихъ писателей и говоритъ о басняхъ Каншемира, Ломоносова, Тредьяковскаго, Сумарокова, Эмина, Баркова, Фонъ-Визина, Майкова, Княжнина, Богдановича, Сковороды, Нахимова, Левщина, Измайлова, Хвостова, Невѣдомскаго, Крылова, Дмитріева, Буниной, Урсовой, Нелединскаго. Касательно иностранныхъ примѣровъ Г. Сочинитель говоритъ, что онъ держался извѣстнаго *Г. Г. Эшенбурга*. Не входя въ дальнїя сужденїя о сей книгѣ, мы одно только замѣтимъ, что Г. Сочинитель, какъ видно, очень споропился. При семъ случаѣ

не можемъ не вспомнить и о басняхъ са-
маго Г. Сочинителя напечатанныхъ имъ
въ Харьковѣ 1814. 50 стр. въ-8. Басни его
довольно занимательны; онѣ были бы еще
занимательнѣе; естълибъ Г. Сочинитель
самъ болѣе занялся ими. Сей родъ лег-
кихъ сочиненій не легко достаётся. Те-
перь жалуются на множество басень ко-
торыми дождитъ отовсюду; правду ска-
зать, мы невиноваты. Наши лучшіе басно-
писцы вводятъ насъ въ заблужденіе. Чи-
тая Дмитріева и Крылова, мы чувствуемъ
только удовольствіе отъ легкости, съ
какою написаны ихъ басни; а чего имъ
стоила ошдѣлка, этого мы не видимъ; и
закрывши книгу того, или другаго, сами
начинаемъ писать: написавши нѣсколь-
ко басень съ такою же легкостію, съ ка-
кою прочли мы ихъ басни, дѣлаемся ино-
гда несноснымъ бременемъ для разборчи-
выхъ читателей. Впрочемъ басни Масло-
вича не совсѣмъ подходятъ подъ замѣчаніе
наше).

Милостивые мои Государи!

Готовность ваша благотворить бѣднымъ соотчичамъ вашимъ, посредствомъ Журнала вашего, есть и мнѣ вѣрно въ томъ порукою, что вы не откажетесь припечатать въ немъ сіе:

ДУШИ БЛАГОДѢТЕЛЬНЫЯ!

Вотъ краткая исторія покорнѣйшаго просителя вашей помощи — изъ Дворянъ 12-го класса Григорія Трофимова Брагина: лучшія лѣта моей жизни я посвятилъ на службу воинскую; а до 1812 года, при маломъ жалованьи былъ въ службѣ спашской, которую (имѣвъ отроду слишкомъ 70 лѣтъ, при бѣганіи отъ лица врага съ казеннымъ имуществомъ дому воспитантельнаго съ воспитанниками, и больницы съ больными и вмѣстѣ спасая, на щетъ бѣднаго моего имущества, жену мою и семерыхъ дѣтей) расстроившись въ здорově, принужденъ былъ оставить. — Съ подросткомъ дѣтей, при содержаніи изъ нихъ двухъ сыновъ въ Лѣсномъ И. испишущи и третьяго въ волонтерномъ кор-

пусѣ; съ выдачею одной изъ четырехъ дочерей въ замужество, и вскорѣ вдовою ко мнѣ возвратившейся, нужды мои и бѣдность (въ полномъ смыслѣ) до того возрасли, что я ихъ не только отъ дѣтей моихъ, но и — ни отъ кого долѣ тайны не могу... — Нѣсколько лѣтъ сряду на необходимыя мои нужды деньги занимая и уплачивая, и опять тоже поочередно дѣлая, и долго боровшись съ усиливающеюся со дня на день противъ меня бѣдностію, на конецъ остаюсь должнымъ частнымъ людямъ до 3000 рублей, изъ коихъ, большею частію, по милости благодѣтельныхъ моихъ кредиторовъ, пользуюсь безъ актовъ и процензовъ. — При глубокой старости, при содержаніи себя съ семействомъ тайнымъ подаяніемъ знающихъ меня, я лишенъ всѣхъ способовъ къ уплатѣ, лежащихъ на совѣсти моей долговъ; и ежели, что еще поддерживаетъ меня, то это одна надежда. — по Богѣ — на великодушную помощь вашу — любезные мои соотчичи! что вы не дадите умереть мнѣ въ отчаяніи, и стать безоп-

вѣстнымъ, послѣ суда человѣческаго, на
судъ Божій.

Вамъ,
Милостивые Государи
покорнѣйшій слуга
Григорій Брагинъ.

Февраля, 29 дня,
1816 года.

Калуга, куда благотворители мои благо-
воляшъ адресовать свою милостыню на
имя мое: Въ истинности безпорочной
по службѣ жизни и крайней бѣдности
просителя, свидѣтельствую правящій
должность Калужскаго Гражданскаго
Губернатора, Вице-Губернаторъ *Федоръ*
Загряжскій.

Въ томъ же свидѣтельствую Калужскій
Полицмейстеръ *Королевъ.*

УВѢДОМЛЕНІЕ.

Особа, благоволившая при подпискѣ
на Украинскій Вѣстникъ внести двадцать
пять рублей, извѣщается чрезъ сѣ, что
остающіеся 10 рублей, по желанію ея,
будутъ доставлены малолѣтнимъ сиротамъ *Иснорокомовымъ.*

ОГЛАВЛЕНИЕ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

I. *Науки и Искусства.*

	Стран.
1. Гетманъ Хмѣльницкій - -	7
2. О Музыкѣ - -	22, 157
3. О возможности всеобщей теоріи подражательной Гармоніи слова	35
4. О Малой Россіи - -	145, 304
5. О величинѣ изображаемыхъ лицъ на картинахъ разнаго рода -	163
6. Письмо къ Издаателямъ о Малорос- сійскихъ древностяхъ -	175
7. О управленіи людьми (изъ Стюарта)	179
8. О любви къ Отечеству, рѣчь -	273
9. О Мозаикѣ - - -	314

II. *Живописная Проза.*

1. Колибри - - -	41
2. Зрѣлище прекрасной ночи въ пу- стыняхъ Новаго Свѣта - -	46
3. Темпейская долина - - -	48
4. Изверженіе огнедышущей горы -	49
5. Черты Греческой Мифологіи - -	51
6. Греческая весна - - -	183
7. Боги Греціи - - -	185
8. Аполлонъ Бельведерскій - -	187

8. Нїагарскій водопадъ	- - -	190
10. Буря и змѣнная пещера въ Перу		192
11. Соловей	- - -	319
12. Умирающій Лебедь	- - -	321
13. Первая Элегія Мессинянь	- - -	324
14. Гробницы	- - -	327

III. Дѣтское чтеніе.

1. Валентинъ Дюваль	- - -	54
2. Юстинъ, или добрый братъ	- - -	197, 329

IV. Стихотворенія.

1. Псаломъ 20 й	- - -	68
2. Къ Меценату (изъ Горація).	- - -	70
3. Моя мечта	- - -	74
4. Къ Б-д-н-с-к-му	- - -	76
5. Полночь	- - -	79
6. Псаломъ 43-й	- - -	220
7. Къ И. И. Д—ву	- - -	224
8. Одинъ изъ моихъ вечеровъ	- - -	227
9. Въ Альбомъ дѣвицъ...	- - -	228
10. Пѣснь Іосифа въ неволѣ	- - -	229
11. Посланіе къ А. И. Левцину	- - -	230
12. Мое желаніе	- - -	233
13. Графу Сергѣю Михайловичу Ка- менскому	- - -	343

14. Къ Валгю (изъ Горація)	-	-	348
15. Москова Идилля	-	-	349
16. Петраркинъ Сонетъ	-	-	351
17. Къ другу при разлукѣ	-	-	352
18. П. Г. Т—ву	-	-	354
19. Эпиграммы	-	-	357

V. Харьковскія записки.

1. Университетъ	-	-	80
2. Благотворительное Общество	94,	238,	358
3. Библейское Общество	-	-	102, 234
4. Креицкая ярмонка	-	-	105
5. Письма въ Херсонъ	-	-	109, 371
6. 1е Письмо къ Издателямъ	-	-	248
7. 2е Письмо къ Издателямъ	-	-	368

VI. Слѣсь.

1. Извѣстїе отъ Совѣта Благотвори- тельного Общества	-	-	129
2. Письма Фалалея Повинухина	-	130,	255
3. Отрывки	-	-	251
4. Письмо изъ Херсона	-	-	384
5. Библиографія	-	-	137, 262, 394
6. Письмо къ Издателю соч. А. Н. Нахимова	-	-	387
7. Письма къ Изд. о несчастныхъ	143,	270,	398
8. Увѣдомленія	-	-	144, 271, 400

ПОГРѢШНОСТИ.

		Напечатано.	Читай.
8.			
10.			
11.			
12.			
13.			
14.			
III.			
1.			
2.			
IV.			
1.			
2.			
3.			
4.			
5.			
6.			
7.			
8.			
9.			
10.			
11.			
12.			
13.			

Стр.	45.	спрок.	8.	его ж. е.	гнѣздышка.
—	48.	—	8.	дышетъ	дышетъ
—	126.	—	13.	Е — въ	С — въ
—	128.	—	26.	учился живо	учишся, живи
—	178.	—	15.	вашъ,	вамъ,
—	325.	—	6 сн.	возвещающій	возвѣщающій
—	326.	—	10 —	кромко	громко
—	337.	—	13 —	живописы	живописи
—	—	—	8 —	провѣсть	провести
—	350.	—	10 —	чпо	кпо

Каждый мѣсяць будетъ выходить одна книжка; при такихъ книжки составляютъ часть, а четыре части полное годовое изданіе.

Издатели съ благодарностію будутъ принимать присылаемыя къ нимъ сочиненія и печатають, — естли они соотвѣствуютъ цѣли журнала; но не обязываются пересылать обратно къ сочинителямъ тѣ изъ нихъ, кои по какимъ нибудь причинамъ не могутъ быть напечатаны.

Подписка принимается во всѣхъ Почтовыхъ Конторахъ и Экспедиціяхъ съ надписью на конвертѣ: *Издателямъ Украинскаго Вѣстника въ Харьковѣ*. Подписная цѣна за всѣ 12ть книжекъ здѣсь въ Харьковѣ 15 руб.; а съ пересылкою въ другіе города 18 руб.

Желающіе получаютъ сей Журналъ благоволять подробно при подпискѣ означать свой чинъ, имя, отчество и фамилію для вѣрнѣйшаго доставленія книжекъ.

Содержаніе 3й Книжки.

I. Науки и искусства.		Стр.
Рѣчь, о любви къ Отечеству	-	273
О Малой Россіи (Окончаніе)	-	304
О Мозаикѣ	-	314
II. Живописная проза.		
Соловей (Изъ Бюффона)	-	319
Умиравшій Лебедь (изъ Гердера)	-	321
Первая Элегія Мессинянъ (изъ Бартеlemi)	-	324
Гробницы (изъ Сен-Піера)	-	327
III. Дѣтское чтеніе.		
Юспинъ, или добрый братъ (Окончаніе)	-	329
IV. Стихотворенія.		
Графу Сергѣю Михайловичу Каменскому	-	343
Къ Балгію (Горац. кн. II. ода 9-я)	-	348
Москова Идиллія	-	349
Петраркинъ Сонетъ	-	351
Къ другу при разлукѣ	-	352
П. Г. Т. — ву.	-	354
Эпиграммы	-	357
V. Харьковскія записки.		
Харьковское Общество Благотворенія (Продолженіе)	-	358
Письмо къ Издашелямъ, о подложности золотѣ	-	372
Письмо 3-е въ Херсонъ	-	375
VI. Смѣсь.		
Письмо изъ Херсона	-	388
Господину Издашелю сочиненій А. Н. Нахимова	-	391
Библиографія выходящихъ въ Харьковѣ книгъ	-	394
Письмо къ Издашелямъ (о бѣдномъ семействѣ.)	-	398
Уведомленіе	-	400